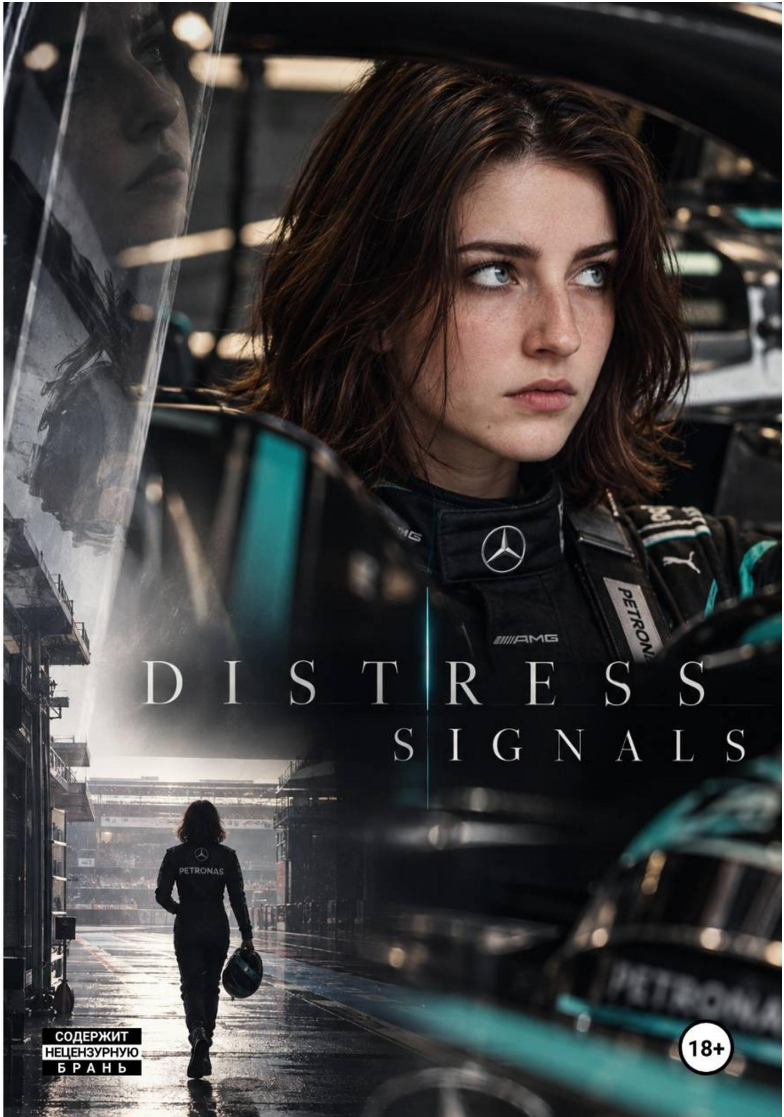

DISTRESS
SIGNALS
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Яна Янссен
Сигналы бедствия

https://litres.ru/74706574
SelfPub; 2026

Аннотация

Грейс Каннингем умеет отлично справляться с машиной, но с людьми у неё получается значительно хуже. После болезненного ухода из Астон Мартин она получает второй шанс. В мире, где её талант постоянно ставят под сомнение, она намерена доказать, что заслуживает места среди лучших гонщиков планеты.

Впереди ее ждут борьба за результаты, непростые отношения, столкновения и прошлое, тесно связанное с одним из самых известных имен Формулы-1.

Содержание

Глава 1. Грейс Каннингем 4
Глава 2. Натан Коул 34
Глава 3. Джордж Расселл 65

Яна Янссен
Сигналы бедствия

Глава 1. Грейс Каннингем

Ох, как же хорошо я помню Баку…

Гран-при Азербайджана, Баку 2026 г.

«Эрик, это очень уверенное начало гонки у Астон Мартин, надо сказать. Что Фернандо Алонсо, что Грейс Каннингем уверенно держат свой темп. Я приятно удивлен, что Каннингем достойно выдерживает эту борьбу сегодня.»

«Да, вот здесь хорошо видно, что решение пропустить вперед пилота МакЛарен было разумной идеей. В начале гонки очень легко потратить вхолостую несколько кругов на попытки сдерживания или обгона и только ухудшить свое положение.»

«Особенно, когда тебе постоянно нужно что-то доказывать. Сегодня Каннингем выглядит намного лучше.»

«Пока да. Мне нравится то, что сегодня показывает Астон Мартин. И по группе они очень конкурентоспособны. Конечно, надо дальше посмотреть, как у нас поменяется картина на экваторе гонки.»

«Как думаешь, Астон Мартин следует подписать Каннингем на полноценный сезон?»

«Рассматривать, безусловно. То, что мы видим сегодня, говорит только в ее пользу. Она хорошо держится в борьбе, справляется с трафиком и обходится без дорогостоящих ошибок. Для гонщицы с таким небольшим опытом в Формуле 1 – это достойная работа.»

«Теперь Астон Мартин нужно провести так всю дистанцию…»

***

- Грейс, - голос Фернандо Алонсо звучал у нее в ушах так, будто бы она сейчас погрузилась под воду, – я хочу, чтобы ты знала, что я тебя не виню.

Декабрь 2026 года. Брэкли

Она переместила ремешок серой сумки-мешка с одного плеча на второе. Грейс впервые в этом месте, и в целом она не очень часто раньше посещала Великобританию, да еще и такие значимые районы. Не сказать, что она в принципе ожидала когда-нибудь оказаться в Брэкли *по делам,* а в остальном этот небольшой городок не особо был привлекательным для туристов. Если вы, конечно, не самый большой фанат Формулы 1 и Мерседес в целом.

Можно ли было назвать Грейс Каннингем фанаткой Формулы 1? И да, и нет. Когда ты в этом варишься (пусть и немного на другом уровне), трудно получать удовольствие

от простейшего просмотра гонок. Грейс, конечно же, любила Формулу 1, но ровно до тех пор, пока не оказалась в ее паддоках.

Сейчас Грейс стояла на декабрьской улочке Брэкли и поверить не могла, что всё, что с ней произошло, осталось в прошлом. С другой стороны, покажите того, кто отказывается от предложений, которые тебе делает Мерседес? Особенно если ты… не самый знаменитый пилот (давайте будем честны – вообще ни разу не знаменитый). Астон Мартин закрыли ей резко возникшую кадровую дыру, и Грейс была благодарна хотя бы за то, что ей дали, ну… немного издалека посмотреть на реальную Формулу 1. Она и представить себе не могла, что в конце этого не лучшего эпизода ее жизни она будет стоять в Брэкли.

В то же время, еще недавно она думала, что никогда не будет стоять в гараже Астон Мартин и в целом заходить на трассу не Ф2, не Ф3, а Ф1. Тот опыт не купишь ни за какие деньги и Грейс в самом деле пыталась получить из этого опыта все, что могла. Однако у ее непростой жизни, полной кочек и неудобных поворотов, были свои планы.

У Грейс немного кружилась голова. Не от того, что она оказалась на пороге главного офиса Мерседес собственной персоной, а потому что ее сложный перелет из Америки был просто отвратительным. Ужасно болела спина, затекли ноги, рейс откладывали два раза и Каннингем реально думала, что опоздает на встречу. А на такие встречи было пре-

ступно опаздывать: все-таки когда решается твоя судьба на ближайшее время, стоит предпринять некоторые суетливые действия и найти возможность хоть как-то, но доехать вовремя. Грейс повезло. Она, конечно, адски устала, но это было несравнимо с тем, что она чувствовала.

Многое из того, что творилось в ее душе, было в принципе осознанно ею в тот момент. По большей части Грейс чувствовала огромную тревогу. У нее был некоторый тремор в руках, который она успешно игнорировала, она становилась неулыбчивой и острой, как обычно в ситуациях, когда необходимо быть на пределе и максимально собранной. Возможно, успех всего всегда скрывался именно в умении других, более успешных людей, делать многое налегке и усложнение, оверфинкинг и прочее, чем страдала обычно Грейс, не приводили ни к чему хорошему, но она попросту по-другому не умела. Она бы корила себя за то, что слишком легко относится к такому вопросу, как контракт от Мерседес.

Предварительную бумагу она прочитала много раз. Честное слово, этот контракт ей уже скоро начал бы сниться. Она искренне пыталась найти в нем хоть какой-то подвох, но условия были безупречные. Может быть, для человека с высокими запросами и напрягало бы что-то, но для Грейс, которая совершенно недавно получила хорошего пинка под задницу из Астон Мартин, все это выглядело как настоящая сказка. Главное проследить за тем моментом, когда ее болид превратится в тыкву.

Еще в полете ей пришел целый анализ от независимой юридической группы по поводу этого контракта, но Грейс пробежалась по нему глазами. Проще было отправить его маме, все-таки она юрист именно по таким вопросам спорта, но даже при всем этом Каннингем, кажется, приняла свое решение. Такое оно бывает только раз в жизни.

Вот так ты живешь, простая шведская девушка, у которой в крови любовь к автоспорту и скорости. Вместо кружков танцев и рисования ходишь на картинг и в какой-то момент понимаешь, что у тебя все получается. Что самое главное – это видят все остальные. Твои тренеры, их тренеры, большие тренеры маленьких тренеров, вот проходит несколько лет и ты в Формуле 3. Потом в Формуле 2. Кажется, что логично, что рано или поздно ты переступишь порог Формулы 1, но многие всю жизнь топчутся и никогда даже слегка носа сунуть в это не могут. Неслыханное везение, так думала Грейс и так ей говорили.

Почему-то все выбрасывали из расчета то, что она была самым упорным человеком на этом свете. Никто не заглядывает под этот капот, никто не анализирует, не думает. Что сказать, даже Грейс не было свойственно анализировать себя. Только критиковать.

Она поймала себя на мысли, войдя в большой приемный зал Брэкли, где ее встретила небольшая куча входной группы людей и огромный, сияющий, блестящий логотип Мерседес на черном фоне, что, возможно, выглядит совсем не так, как

здесь ожидают. Она взглянула на себя в зеркале, проверив, насколько грязными после долгого перелета выглядят ее волосы.

- Извините? – поинтересовалась девушка, максимально лаконично.

В этот момент Грейс почувствовала себя той самой Вивиен Уорд, которая зашла в бутик купить приличные шмотки, а на нее смотрит продавщица и не может в толк взять, как такой покупатель сюда забрел.

- Да, эм… я приглашена на встречу. Грейс Каннингем.

Девушка вздернула брови. Какую еще Грейс Каннингем они ждали? Возможно, на фотографиях она была совершенно другой. Выглядела немного более… ухоженной? (попробуйте пролететь почти что пятнадцать часов и выглядеть как Ким Кардашьян, в самом деле) Немного выше? Почему они удивляются ей?

- Ах, миссис Каннингем. Мы ждали вас, почему вы не сообщили, что прилетели? Мы бы отправили за вами водителя.

Грейс даже об этом не подумала. Она сама взяла такси и приехала. В какой-то момент у нее промелькнула мысль самой сесть за руль, но она так и не решилась. Перед глазами все откровенно плыло.

- Не стоило, правда.

Брэкли был удивительным. Все внутри говорило, кричало, бросалось в глаза: это другой уровень. Не уровень Ф2, не уровень Астон Мартин. Все совершенно другое. Глянцевое,

дорогое, безупречное. Чего еще ожидать от топовой команды Формулы 1? Ну, возможно, любого сумасбродства в стиле «подпишем вон ту девчонку, которая гонялась два месяца за Астон Мартин и сделала вокруг себя скандал».

Надо признать, скандал создался сам, Грейс ничего для этого не делала, кроме как в принципе выбилась в Формулу 1.

- Кофе, чай? Что-нибудь хотите?

Грейс присела в комнате ожидания.

- Эм, нет, спасибо.

«Поскорее это закончить», промелькнуло у нее в мыслях. Она положила сумку на соседнее кресло и посмотрела на часы. Тото Вольфф всегда славился своей пунктуальностью. У нее было всего лишь две минуты, чтобы еще раз все обдумать и как назло, ни одна мысль нормально не лезла в голову.

Она помнила их последнюю встречу. Точнее, это даже «встречей» назвать было трудно. Тото Вольфф дал ей понять, что хотел бы поговорить с ней, но разговор так и не состоялся. Грейс успешно выбросила это из головы, убедив себя саму в том, что Вольфф в принципе чего-то там хотел. В мире больших денег очень трудно отличить вежливость от реального предложения. Обманывать себя на тот момент Каннингем не хотела. Достаточно было с нее самообмана, пора перестать жить в мире иллюзий и здраво смотреть на вещи.

Семь гран-при пролетели в таком вихре событий, что

Грейс сейчас с трудом могла восстановить всю цепочку. Она толком не успела почувствовать себя пилотом Формулы 1. Это было невозможно в том безумном прессинге, в котором она невольно оказалась. Ее окружал ореол «временной замены», от нее толком ничего не просили. Ты только доезжай, Грейс и даже не пытайся бороться за очки. Первая десятка от тебя так же далеко, как твои мечты туда пробраться. Грейс была реалисткой. Она прекрасно знала, что у нее недостаточно опыта, у нее недостаточно хороший болид, у нее маленькие шансы в принципе показать какую-то конкретность этим людям. Этим чемпионам.

Но потом она выехала на трассу. И единственным ее соперником стали ее собственные амбиции.

Как. Как можно всего этого не хотеть, если ты там? Если ты управляешь такой машиной, если ты гоняешься рядом с такими людьми! Как можно не обладать амбициями. Они съедают тебя, как демоны, ну и плевать. Кем ты будешь там без них? Серой мышкой, которая едва-едва плетется в последних местах и богу молится, как бы не влететь в какую-нибудь стену, да?

Каннингем расстегнула пальто. Она уже дважды успела забыть имя встретившей ее девушки, пожалеть о том, что не сделала остановку перед приездом сюда и в целом, что шла на этот тяжелый разговор в таком состоянии.

Дверь открыл сам господин Вольфф. Он показался ей куда выше, чем по всем ее смутным воспоминаниям в паддо-

ке. Он все еще говорил по телефону и впустил Грейс движением головы. В целом, Тото Вольфф мало чем отличался от того Тото Вольффа, которого можно было увидеть на фото. За два месяца они совсем не пересекались в Формуле 1, пожалуй, Астон Мартин – не те ребята, до которых снисходит какой-нибудь господин Вольфф собственной персоной.

- Извините, сэр, впервые веду переговоры самостоятельно.

Она нервно улыбнулась. Ну и вранье, Грейс, ты всегда ведешь переговоры самостоятельно! Откуда у тебя может быть агент, вообще. На самом деле, в этом до сего момента никакой нужды и не было.

- Да, Грейс, прошу прощения, у меня нескончаемый поток безумно неотложных звонков, - ворчал Тото себе под нос, что-то торопливо набирая на сенсорном экране телефона, а потом обратился к ней, кажется, в десять раз более оживший. – Тебя угостили кофе или чаем? Ты что-нибудь хочешь?

- Нет, сэр, спасибо. Единственное, чего я хочу – это выступать за Мерседес.

Тото улыбнулся. Она прекрасно поняла, что сказала глупость – начинать этот разговор с очевидной лести было настоящая провальная стратегия, но если быть предельно честным, то Грейс сказала все по факту. Нет ничего лучше, чем ездить за Мерседес (подставьте ту команду, которая нравится вам больше всего). Окажись она сейчас за столом Ферра-

ри, она сказала бы, разумеется, по-другому, но сути это не меняет. Тебе мало чего хочется, когда ты подписываешь контракты такого масштаба.

Она честно репетировала спокойное начало разговора. До того, как уснуть в самолете.

- Что вы от меня хотите, сэр?

Этот вопрос она произнесла прежде, чем подумала, что о таком не спрашивают, тем более, в такой формулировке. Грейс наблюдала, как Вольфф медленно положил очки в толстой оправе на стол. У него остались красные выемки на переносице.

- Чтобы ты быстро ездила, корректно работала с инженерами, помогала нам понять тебя и машину, когда вы обе ведете себя плохо, - Тото вздохнул – с последним у нас бывает очень много работы.

Грейс сморгнула свое непонимание. Она почему-то думала, что разговор состоится в другом ключе, но Тото говорил как-то обыденно спокойно и совершенно не торжественно, как подобает такой ситуации.

- Мы внимательно проанализировали твои выступления. У меня, конечно, накопились определенные вопросы к некоторым определенным решениям, но я уже сделал тебе предложение. Сегодня мы здесь, чтобы обсудить условия.

Каннингем чувствовала себя, как в школе. Она не совсем понимала, ее так отчитывают или хвалят. Что это вообще значит? Она краем глаза заметила фотографии на столе ру-

ководителя команды, насколько же все слаженно и продуманно было расположено на этом столе. Фотография, ручка, чашка с напитком, закрытый ноутбук. У всего на столе у Тото было свое место.

И, похоже, что у Грейс тоже.

- Мне нужно знать, как у тебя складывалась работа до этого в Астон Мартин, Грейс, - сказал Тото – я предпочитаю не слушать прессу. Чаще всего это полная чушь.

Рассказать про все, что было в Астон Мартин. Да, разумеется, к этому нужно было подготовиться куда более конкретно, чем к любым другим юридическим вопросам контракта. Именно потому, что Грейс не хотела об этом говорить больше всего, она не подготовила какую-то удовлетворяющую все стороны историю. У нее была только правда, которую она видела исключительно со своей стороны. Да, она могла быть не везде правой, но именно Грейс с этим жила, у нее больше ничего не было, кроме тех выводов, которые сделала она сама.

Никто не попытался ее переубедить. Это было незачем делать.

- Я… я не знаю, что вам сказать. Я просто женщина, в этом вся суть. Мне не хватало абсолютно всего: умений, сдержанности, профессионализма, знаний. Моей команды.

Последнее Грейс не сказала, но обрушила на саму себя. Она сгрызла себя за все это время, стараясь найти оправдание всему, но надо признать свое поражение тоже – она не

смогла договориться с людьми, с которыми было вполне реально договориться. Ей дали шанс, а она его не реализовала. Такая простая, жизненная ситуация, да?

- Они не были рады мне. У них был запасной пилот, которого не удалось привлечь, я не знаю почему. Я закрыла их кадровый дефицит на два месяца, вот и все. За это время мы ничего не достигли, ничего не добились, да и подружиться у нас тоже не получилось.

Выбрать позицию, где во всем виновато руководство команды, Грейс, как бы ни хотела, не могла. Ее, конечно, часто обвиняли в отсутствии профессионализма (и возможно, за счет ее возраста и опыта этого профессионализма было куда меньше, чем у какого-нибудь Льюиса Хэмильтона), но Грейс в конце концов понимала, что нужно говорить, а что нет. Как бы ей ни хотелось иначе.

- Не подумайте, что я хочу сделать из себя заложницу ситуации, но я была последним вариантом и они к нему прибегли. Команда хотела кого-то другого, но получила меня.

Повисла некоторая тишина, Грейс почти пятками почувствовала, что нужно добавить:

- Сэр.

- Тото вполне достаточно, - хмуро ответил ей Вольфф. – Что происходило, когда вы расходились во мнении по машине?

«Обратимся к Грейс Каннингем, 16-й поворот, обращаю

твое внимание, Эрик, как чисто Грейс выходит, очень чистое прохождение, практически не заметил пробуксовки. Мы видим, что она сокращает отставание на прямой, хотя Астон Мартин, будем честны, уступает соперникам в скорости».

Грейс отлично помнила, что проводила одну из своих лучших гонок за это безумное короткое существование в биосфере Формулы 1. На командном мостике команды зеленых внимательно следили за уменьшением разрыва, никто не сигнализировал о том, что у одной из машин возникают какие-то проблемы.

Грейс почувствовала это первой. Эти проблемы вылезли на торможении после экватора гонки.

«У меня блокируются задние шины», заднюю ось неожиданно повело на повороте, Грейс пришлось машинально уменьшить оправданное давление на педаль, иначе ее бы просто развернуло.

«Проверьте тормоза», добавила она.

«Принято, Грейс», голос ее гоночного инженера тогда был совершенно спокойный.

При выходе на прямую с ней снова связались с командного мостика.

«Проверили данные, не видим ничего критического. Попробуй сместить баланс тормозов немного вперед».

Грейс выдохнула и сделала, как сказали – изменила настройки на руле. Следующие несколько минут машина шла

так, как от нее ожидали. Каннингем, не привыкшая расслабляться примерно никогда, все еще наблюдала за своими ощущениями больше, чем за трассой. Она практически сразу заметила, как повело заднюю ось. Грейс потеряла устойчивость при торможении, Каннингем выругалась под нос и изменила настройки.

«Да, черт, проблема повторяется, Джон!» Она позволяла себе эмоционировать в радио, до конца дистанции оставалось семь кругов.

«Задние колеса блокируются, я теряю машину».

«Принято, мы следим за параметрами».

Никто из них никогда не знает, что чувствует пилот, когда теряет заднюю ось при повороте и вместо готового решения получает «мы следим за параметрами». Никого из них нет на дороге, и никто из них не рискует машиной и собственной жизнью на скорости под двести километров в час. Через еще несколько минут Грейс уже пришлось менять точки торможения, она была вынуждена замедляться раньше привычного, раньше проверенного, осторожнее переносить нагрузку на переднюю ось, она пыталась не допускать резких изменений тормозного усилия. Это заставляло нервничать, цифры, к которым она шла, стремительно ускользали, как вода сквозь пальцы.

Колеса начинали жить своей жизнью.

«Грейс, по нашим данным, серьезных отклонений нет. Продолжай действовать согласно плану».

«Я вам третий раз говорю, что колеса блокируются! Меня разворачивает на поворотах!»

Это ушло в эфир. Грейс пожалела, что промахнулась по кнопке на руле. Что ж, хотя бы зрителям будет, что обсудить.

«Избегай резкого торможения».

Каждый пилот немного ненавидит своего гоночного инженера, пока находится в стрессовой ситуации. Пока ты в кокпите, ты зажат в маленьком пространстве крепкого металла, как в открытом гробу. В гонке могут возникать непредсказуемые ситуации, нельзя просто сказать «избегай резкого торможения». Что если оно в любом случае случится?

Камера с переднего крыла показывала узкую полоску трассы между бетонными ограждениями. Грейс чувствовала себя еще более зажатой. Она терпеть не могла такие городские трассы. Кровь опасливо закипала, как только машина прошла в 6 см от барьера. Ей показалось, что от столкновения ее спасла только удача.

«Машина нестабильна. Я не смогу ее удержать при следующей блокировке».

«Нет необходимости останавливать машину, мы ничего не видим, Грейс».

Она почти стукнула рукой по рулю. Грейс вышла из развязки поворотов старого города и направилась к пятнадцатому повороту трассы. Пестрая реклама на барьерах ка-

залась ей ближе, чем подушка ночью. Грейс подошла к точке торможения, нажала на педаль тормоза.

Машина начала замедляться, Грейс машинально затаила дыхание.

Ей показалось, что у нее ушло сердце в пятки ровно в тот момент, когда сорвало заднюю ось. Оба задних колеса резко замедлили вращение, автомобиль дернуло в сторону. Каннингем забыла о том, что не дышит, и первое, что попыталась сделать – это удержать машину, перед глазами в шлеме все вращалось – болид увеличивал угол разворота.

Запахло тормозными колодками и перегретыми шинами, в ушах загудела попытка победить законы физики. Грейс видела, что она неизбежно летит в ограждение. Все, что она могла, это по-шведски громко выругаться.

Болид ударился о заграждение передней частью, Грейс встряхнуло так, что ей показалось, у нее вытряхнуло легкие. Тело повело вперед, ремни безопасности стиснули ее мертвой хваткой, не давая сдвинуться с места. Грейс на секунду зажмурила глаза от боли в зажатой шее. В какой-то момент ей казалось, что это ударился не болид, а она влетела в ограждение всем своим телом.

Каннингем практически чувствовала, как от ее машины отделилась передняя подвеска, как разлетелись по трассе обломки антикрыла, будто бы сломанные зубы. Грейс оттолкнуло от барьера и развернуло поперек трассы.

Все, что Грейс тогда чувствовала – это страх. Машина

не слушалась, у нее не было никакого шанса управлять ею, и она была естественным препятствием всем другим гонщикам на дороге. Она попыталась переключить передачу и отвести машину, но не успела: почувствовала второй удар. Машина Фернандо Алонсо врезалась в Грейс меньше, чем через секунду.

Когда вся жизнь и карьера гонщика укладывается в десятые доли секунды, мозг даже не успевает принять какое-то решение.

«Грейс, ты меня слышишь?» Приглушенный крик гоночного инженера по радио. Грейс слышала и не могла ответить, у нее шевелились губы, но голос был зажат где-то внутри. Руки обессиленно лежали на руле.

На асфальте лежали обломки машины, острые осколки углепластика, одно из колес ее болида держалось на честном слове и страховочном тросе. Она видела, как маршалы направлялись в их сторону, словно безумно медленные детские пластиковые солдатики в ярких сигнальных жилетках. Какие же они были медленные по отношению к безумствующим болидам на четырех колесах, которые развивали скорость самолетов при взлете. Что такое быстрый бег человека по сравнению с маленькой машинкой, развивающей скорость в 350 км/ч?

«Я в порядке», хрипло ответила она в радио.

«Оставайся на месте и не двигайся, к вам вышли маршалы».

«Это просто ужасающий сход Астон Мартин с трассы! Одна из лучших гонок для команды! Выбыли обе машины, ни один из пилотов не финиширует. Это конец для Астон Мартин в этом сезоне, Эрик».

- Я была виновата, - она ответила очень тихо, погрузившись в собственные мысли – абсолютно всегда. Я просто недостаточно хорошо пилотирую, у меня недостаточно опыта для Ф1, «это тебе не Ф2», я слышала это постоянно.

Каннингем раздражала собственная разговорчивость. Надо было остановиться и перестать упираться в жалость к самой себе. Еще немного и она начнет припоминать, с какой интонацией ей это говорили, рыться в чужих грязных трусах, вытряхивая на Тото Вольффа кучу каких-то необоснованных обид.

- Я хочу сказать, что… - «это тяжелее, чем я думала», - да, это так как говорят – у меня мало опыта для Ф1, но виновата была не всегда я.

Грейс ненавидела быть в этой позиции. Когда на нее нападают, а она подставляет щеки. Нет, черт возьми, не всегда она была неправа! Она была права почти на 90% случаев. Если она это не зарубит себе на носу, так и будет обтекать перед всеми, кто считает ее некомпетентной только потому, что она откуда-то снизу.

На повторе усталый, изрядно потрепанный гоночный ин-

женер Грейс, Джон, демонстративно остановил запись на моменте перед самым срывом. Грейс смотрела в запись безо всяких других чувств, кроме как жуткого желания ворваться в эфир и предупредить саму себя.

- Вот здесь ты продолжаешь держать тормоз, хотя уже начинаешь поворачивать. Задние колеса у тебя блокируются, ты пытаешься скорректировать это рулем.

Чертова телеметрия не врала никогда, от цифр нельзя было скрыть ни одного движения рукой или ногой в кокпите.

- Места уже не хватает, Грейс.

Она прекрасно помнила, сколько там оставалось места.

- Я сообщала вам о блокировках.

- Да! – вспылил Джон. – И мы сместили баланс вперед!

- Это помогло ненадолго, - почти обессиленно ответила ему Каннингем.

- Ты еще раз поменяла его сама.

- Потому что проблема повторилась, Джон! – Она видела в его глазах безысходный гнев.

Он нервно кивнул и снова отмотал на несколько десятых секунды назад.

- Но перед вот этим, черт возьми, поворотом ты могла начать тормозить раньше.

Это «могла» звучало особенно громко и токсично. Грейс чувствовала себя так, будто бы отец отчитывал ее за то, что она делала все не так, как он хотел.

- Я не всегда отвечала и была достаточно спокойной с ко-

мандой, это правда. Но я не считаю, что у меня есть лимиты только потому, что я пилот Ф2 или… женщина.

Тото чуть двинул головой.

- Кто так говорил?

Нет, на эту провокацию она не повелась и просто помотала головой. Каждый в этом бизнесе говорит то, что считает, другого может задеть. У каждого были свои болевые точки, у Грейс эта точка была очевиднее некуда.

- Я думала, что борьба в Ф1 не для меня. Эти люди ненавидят друг друга, и пилоты оказываются в центре всего этого… бардака. Завидуют, ненавидят. Я ездила всего пару месяцев и заметила это почти сразу же.

Она подняла на Тото глаза.

- Мое невеликое дело было – финишировать.

Грейс подалась вперед, упершись локтями о стол.

- Но я не хочу просто «финишировать», Тото. Это же Формула 1, не так ли?

- Да, это так. И здесь будут конфликты. Со мной в том числе.

Каннингем почти что не понравилось, как просто он это сказал. Не то чтобы она имела сейчас право на то, что нравится или не нравится.

- Я могу и буду не соглашаться с твоей оценкой машины, - говорил ей Тото, – я буду требовать от тебя объяснений после гонки. Ты можешь разозлиться на решение команды, я, скорее всего, буду недоволен твоим пилотированием, ты бу-

дешь недовольна своим тоже. Но нам всем придется на следующий день вернуться к работе.

Все, что могла сейчас сказать Каннингем, это:

- Я понимаю.

- Хорошо, потому что обещать тебе приятный сезон и мир Микки Мауса я тебе не могу.

За дверью послышались чьи-то шаги, приглушенно донесся чей-то смех и Грейс за все время впервые почувствовала, что сидит очень ровно, до того, что у нее немного затекла спина. Она ощущала себя в каком-то другом пространстве, в вакууме или аквариуме, где роль, которая ей выдавалась – маленькая рыбка, изредка открывающая рот, чтобы вобрать немного воздуха в жабры.

- Если ты решила закончить с гонками, лучше сказать об этом сейчас, Грейс.

Каннингем не осознала, понял ли что-то сейчас Тото Вольфф по ее лицу или что это было, но его слова стрелой пробили ее до самых пяток. Нет, разумеется, каждому человеку в жизни необходима минутка слабости, но такие «минутки» не означают ничего конкретного, ничего глобального.

Если ты в Формуле 1, то на такую минутку у тебя, похоже, совершенно нет никакого права. Требовательные глаза мистера Вольффа на нее смотрели так, будто бы транслировали эту идею без слов.

- Нет, - она постаралась ответить, не вспылив. – Я хочу

еще бороться и прекрасно знаю, что я это могу сделать. Мистер Вольфф, мне нужен только один шанс и машина.

Разумеется, ей требовалось гораздо больше. Ей были нужны люди, которые умеют объяснять, ей нужно время, чтобы адаптироваться. Ей нужен кто-то на другом конце радио. Все это мог дать ей Мерседес, контракт с которым был у нее практически в кармане.

Так чего ты ждешь, Грейс?

- Если вы уверены, что я могу выступать на уровне вашей команды, я сделаю все от себя зависящее.

Тото Вольфф придвинул к ней папку с договором.

- Тогда тебе стоит взглянуть.

Она открыла договор, который видела уже достаточно много раз. Юристы съели ей все мозги с тем, какие там вкусные условия. При этом там были некоторые уловки и условности, заставляющие Грейс опуститься с небес на землю, но в целом лучше условий она не получила бы ни в одной Формуле, и дело тут было вовсе не в деньгах, которые она получает на выходе. Дело в том, какую жизнь ей предлагает Мерседес.

Жизнь, которая укладывается в…

- Три года, сэр? – Она помотала головой, все еще не веря, что это в самом деле перенесли в оригинал договора. – Вы подписываете меня на три года?

Она машинально искала в договоре оговорку. Опции уволить ее заранее или что-нибудь в этом духе. Команды часто

оставляют за собой такое право, особенно когда подписываются на условия, в которых не были уверены. Но там ничего не было. Все было так прозрачно, что даже пугающе. Где это все? Испытательный срок, достижения и показатели, которые она должна разбиться, но выполнить к началу лета? Должно же быть что-то, из-за чего это предложение перестанет выглядеть настолько неправдоподобным!

- Я вкладываю в тебя время команды, - пояснил Тото – первый сезон я закладываю на то, что нам придется, в первую очередь, научиться взаимодействовать друг с другом. Только так мы можем оценивать наши результаты дальше. И рассчитывать на них.

В договоре были проставлены окончательные суммы. Они немного отличались от первоначальных в большую сторону. Если Тото Вольфф хотел купить работу Грейс Каннингем, то у него, очевидно, получилось. Мерседес не обижал ее в зарплате, хотя можно было догадаться, насколько же много может получать здесь пилот иного уровня. Уровня, скажем, Льюиса Хэмильтона.

Грейс даже усмехнулась. И вот после него вы делаете предложение мне.

Победа. Подиум. Чемпионский титул. Везде была своя цена, своя премия и все эти циферки были не настолько важными, как буковки. Слово «победа» там было напечатано, как и все остальное. Грейс хотелось провести по нему пальцем.

В договоре были обязанности перед командой, работа на симуляторе, физическая подготовка, участие в съёмках и встречах с партнёрами. Отдельные положения касались изображения, личных спонсоров и конфиденциальности.

- А штрафы?

- Дальше, - кивнул Тото, — это раздел об обязательствах и нарушениях.

Опоздания, пропущенные мероприятия, рекламные договорённости без согласования. Здесь всё выглядело достаточно знакомо, чтобы немного выдохнуть. Обычный контракт – тяжёлый и требовательный, отвечающий за ту сумму, которая была указана в вознаграждениях.

- Где трактовка о том, что будет, если я разобью машину?

- Если ты разобьешь машину, мы ее починим, - опять этот обыденный тон, как будто бы речь не шла о болиде, в который вкладывается гигантская куча людей. – Грейс, мы не собираемся вычитать из твоей зарплаты стоимость переднего крыла, здесь другие условия, это Формула 1.

За окном уже лежал тусклый зимний свет. В кабинете Тото Грейс была в каком-то полумраке или же ей так казалось. Она поймала свое собственное задумчивое выражение в отражении панорамного окна.

Три года. А она не могла себе представить даже январь.

- Мы ответили тебе, что не видим признаков неисправности. Мы видим блокировку, но у нас нет ни одного основания

говорить о том, что это вызвано технической ошибкой.

- Я и не говорила, что у меня отказали тормоза, Джон.

- Ладно, хватит. Давай подумаем, что ты могла сделать иначе.

Что она могла сделать иначе? Начать тормозить еще раньше? Сильнее сместить баланс? Раньше отпустить педаль, аккуратнее повернуть, быстрее поймать машину? Еще миллион вариантов, что она могла бы сделать иначе. Но она не сделала. Это был бесконечный список пустой рефлексии.

- Я пыталась понять, что я могу сделать, находясь на трассе, Джон, – тихо ответила Грейс, смотря куда-то в одну точку. – Мне нужна была помощь тогда.

Джон смотрел на нее таким взглядом, как будто хотел съесть ее, но у него уже не хватало на это сил.

- Я давал тебе рекомендации по тем данным, которые у нас были.

- И я их выполняла, - она выговорила почти каждое слово отдельно, раскладывая это предложение, как салат на разные ингредиенты.

- Грейс, рекомендации не означают, что ты должна продолжать в том же духе, если чувствуешь, что теряешь контроль.

Она тут же открыла рот, чтобы возразить, но замолчала. Ей будто бы ушат холодной воды за ворот вылили.

- Вы серьезно верите в меня?

Она будто бы задавала вопрос сама себе. Эта девушка напротив, в отражении окна, кем она была? Какой-то другой Грейс, с которой нынешняя, живая, никак не могла найти общий язык. Та была требовательная, всегда недостаточно удовлетворенная результатами, всегда думающая, что все могло бы быть лучше. Абьюзерша, одним словом.

- Я могу ошибаться, но сейчас я думаю, что ты нам подходишь. И я готов ответить за это решение.

Как же в тот момент захотелось запомнить эти слова так, как они звучали. Лучше и не скажешь. Каннингем все для себя еще в Америке решила, но сейчас впадала в какую-то бессмысленную рефлексию так, будто бы реально имела какие-то идеи на то, чтобы бумагу не подписать. В этом были уверены все – мама, ее юристы, да и сама Грейс. Чего тянуть резину уже и без того сгоревших покрышек.

Как только Тото забрал документ и поставил свою подпись, так же буднично отложив бумаги в сторону, Каннингем задала еще один вопрос:

- А теперь скажите мне, Тото, есть ли еще какие-нибудь причины, почему вы подписали со мной контракт?

У нее были причины спрашивать это. Кажется, что гордость за свои результаты, за свой каждодневный тяжелый физический и умственный труд кольнула где-то под солнечным сплетением. Ее лицо, конечно же, обязательно станет поводом для обсуждения. Нонсенс, новость века – огромная

компания, успешная команда в Формуле 1 рискнула всем, чтобы подписать женщину из Формулы 2. Какой же инфоповод, просто смак. Грейс уже заранее от этого устала.

Она не была первой, но, пожалуй, она стала последней.

Но за этой историей было что-то еще…

- Коммерческий спрос на тебя будет, странно было бы это отрицать, - Тото как-то пренебрежительно усмехнулся. – Тебе придется работать с нашими партнерами в том объеме, который ты только что подписала. Тебе стоит читать контракты внимательнее прежде, чем ты задаешь такие вопросы. Трехлетний контракт с гоночным пилотом обходится команде очень дорого.

Грейс рассмеялась. Ну конечно, она себя окупит с лихвой даже без того, чтобы когда-нибудь заехать на подиум, не так ли, Тото Вольфф? Каким бы крутым человеком он ни был, он все-таки думал на языке денег. И в этом ему, конечно же, не было равных.

- Добро пожаловать в Мерседес.

Он протянул ей руку, Грейс сначала на нее покосилась, а потом пожала. Кажется, ее все еще женская ручка потонула в большом, уверенном рукопожатии.

Ее ждала долгая экскурсия по комплексу и куча людей, которую надлежало запомнить. Гоночный инженер, какие-то механики, бесконечные корпуса различных разработок. Жизнь и работа тут не останавливались ни на секунду. Только представьте, сколько народу трудится над тем, что-

бы какой-то пилот сел в разработанную ими гоночную машину и проехал пятьдесят кругов по трассе. Все ради двух часов непрерывной гонки, в которой уже давно участвовали не только пилоты. Борьба команд продолжалась и не прекращалась здесь, за кулисами. Кто-то искал решения, кто-то их тестировал, кто-то создавал, кто-то критиковал. И если вы думали, что пилот, в целом, главная ценность любой команды, то это было не так. Грейс воспринимала себя колесами, шинами, что, сцепившись с асфальтом, катятся на неимоверной скорости двести километров в час, стараясь выжать из себя максимум, но главную работу делали не шины. Главную работу делали двигатель и силовая установка. Пилоты были лишь движением, но главная сила заключалась совершенно в других людях. Это был не один человек, а огромная команда. И только вообразив себе эту масштабность, можно понять, насколько серьезно здесь и всюду в других больших командах трудятся люди день изо дня.

Грейс смотрела на это все и думала, что Астон Мартин очень далеко от такой организованности и подхода к делу.

Здесь начиналась ее история, история Грейс Каннингем, которая, как ей тогда казалось, чудом оказалась в числе тех, кому предложили место под солнцем. Она, вцепившись в ремешок своей сумки-мешка, смотрела на работу Брэкли и думала, насколько же близко к этому солнцу она сейчас находится. Ведь у солнца было ужасное, отвратительное свойство не только согревать, но и обжигать.

Держись, Грейс. Как много нам нужно будет доказать, да?

Она улыбнулась сама себе.

У этого спорта была своя драма, и она честно считала, что может выдержать абсолютно все, только бы у нее было это место. Свое место на трассе. И оно, без сомнения, однажды обязано быть первым.

Глаза вперлись в экран мерцающего монитора. Все болело, а особенно болела голова, и морально Грейс была побита примерно так же, как ее машина, остатки которой эвакуировали с трассы. Успехи пилотов, которые успешно завершили гонку, казались совершенно не относящимися к делу. Каждый сектор сетки Формулы 1 ведет свою игру, проживает свою жизнь. До тех, кто сегодня взял подиум, кажется, было так же далеко, как любому любителю картинга где-нибудь в провинциальной Упсале.

Они проходили какую-то другую Формулу 1. Грейс чувствовала себя выброшенным на берег китом.

- Фернандо, - позвала она его, когда он, закончив что-то обсуждать с инженером, направился к выходу из комнаты пилотов.

Она вспомнила, как призрачная надежда на то, что Фернандо хотя бы финиширует, растворилась с тем, как он медленно поднялся в кокпите и покинул свой болид.

- Извини за твою гонку, - сказала Грейс, практически не поворачиваясь.

Она обвела пальцами край чашки с кофе. В последнее вре-

мя она стала ненавидеть кофе.

- Да, жалко, мы могли побороться за очки.

Лучше бы они закончили на этом и разговор сошел бы на нет от ее окончательного кивка, но Грейс почувствовала, что обязана сказать еще:

- Я пыталась удержать машину.

- Я видел, Грейс.

- Мне казалось, что у меня получится.

Грейс краем глаза увидела, как Фернандо поставил свой стакан рядом с ней и навалился одним боком на высокий стол.

- Когда тебя развернуло, между нами было 0,5 секунды, мне некуда было маневрировать.

Она подняла на него голову и поняла, что уже нет никакого смысла рассуждать о балансировке, скорости, о том, сколько раз она сигнализировала о том, что что-то не так с машиной. Фернандо Алонсо выглядел так, будто бы еще поборется.

Но, увы, без нее.

Глава 2. Натан Коул

Знаете, что отличает талант от удачливости? – Стабильность результата.

Брэкли. Декабрь 2026г

Если бы Натан Коул, инженер по динамике в Мерседесе, вел дневник, он бы начинал его каждый раз с фразы: «Как же меня это достало…» Нельзя было описать Натана лучше, чем самый усталый человек на земле. В целом, он был привлекательным, высоким кудрявым человеком с ясными голубыми глазами, которые всегда считал своим преимуществом. Он мастерски умел своим видом и выражением лица показать, насколько он недоволен тем, что слышит и этого, обычно, хватало, чтобы собеседник или становился тише, или переставал говорить. Последние два года Натан честно считал, что это тоже его огромное преимущество.

Пока в Мерседес не взяли эту девчонку. Его попросту не предупредили, что нужно снова начинать пить Магний и учиться делать это свое лицо, да и даже если бы предупредили, скорее всего Натану это нисколько не помогло бы, честное слово. И нет, Коул совершенно не считал себя неправым во всем, что говорил. Он считал, что человек, который берет на себя такую ответственность, как управление высокоскоростным болидом, должен иметь как минимум базовый

набор из стрессоустойчивости и терпения.

Он бы ничего такого не добился в своей жизни, если бы не считал себя профессионалом. При этом у него была жуткая аллергия на вечную привычку пилотов объяснить ему, как следует выполнять его же работу. За двенадцать лет работы он должен был уже привыкнуть к тому, что самоуверенным молодым гонщикам свойственно считать, будто бы инженеры существуют только ради того, чтобы исполнять их желания. В целом, у них получалось развеять эти убеждения.

Но с Грейс Каннингем это не работало.

В какой-то момент после ее появления в команде, Натан начал думать, что у Тото Вольффа случился приступ благотворительности, иначе объяснить трехлетний контракт с гонщицей, продержавшейся всего два месяца в Астон Мартин было попросту невозможно.

У девчонки был достаточно низкий, удивительно нисколько не писклявый голос. Это совершенно не котировалось с ее достаточно хрупкой (на скромный взгляд Натана) внешностью. Она отлично могла управлять своим голосом, что являлось ее несомненным плюсом, но все это перекрывалось тем, что именно она говорила. Природа дала ей сильный, внушающий голос, но не дала мозги, которые могли бы управлять потоком речи.

Натан чувствовал, как у него подрагивает нижнее веко. За десять секунд он сложил все свое мнение об этой девочке

и понял, насколько ему будет тяжело работать с ней.

В нижнем углу монитора в переговорной висели цифры «+0,186», которые Натану явно еще долго во сне будут сниться. Это была разница, которая относилась только к одному кругу, справедливости ради, к выходу на прямую она успела измениться, но это нисколько не влияло на результат – Грейс Каннингем теряла скорость на выходе из поворота и упрямо считала, что никакой ее ошибки в этом нет. Ну да, только Натан тут дурак, все остальные – юные гении, гениальность которых он отказывается признавать!

Коул тяжело выдохнул. Он намеренно выбрал модель Бахрейна. Увеличенный десятый поворот на этой трассе занимал большую часть экрана. Уникальность этого момента заключалась в том, что именно здесь торможение накладывалось на поворот руля, и запас сцепления передних шин вынужденно приходилось делить между двумя одновременными задачами. Натан считал, что ничто не показывает лучше мастерство пилота, как определенные сложности, в которых пилот вынужден показывать свое лучшее решение.

На второй монитор Натан вывел очень важные на его взгляд показатели: скорость, давление в тормозной цепи, угол руля, положение педали газа и угловая скорость машины вокруг вертикальной оси. Последняя метрика на языке сухих цифр (с которыми попросту невозможно было спорить) показывала, насколько быстро машина разворачива-

ется в повороте. Относительно всех остальных метрик, можно было сделать вывод, насколько пилот грамотно действует в моменте.

Натан выделил один из кругов мисс Каннингем красным, а другой – белым и начал достаточно цинично сравнивать тормозной участок.

- Вот здесь мы теряем машину.

Вертикальный системный курсор остановился на изломе красного круга.

- Тут еще не снято давление, а угол руля уже начинает расти. Потом ты начинаешь это корректировать. Все это выливается нам в копеечку на средине поворота, тебе приходится откладывать газ. Что мы имеем в итоге? Ты медленно выходишь на прямую.

И нет, Натан не был идиотом. Он знал, что пилот неизбежно тормозит перед поворотом, но грамотный пилот постепенно отпускает тормоз по мере увеличения градуса угла руля. Вопрос здесь заключался в другом – насколько пилот хорошо работает с тем, что осталось от сцепления задних шин с асфальтом, насколько устойчиво машина проходит этот участок.

Справа от Натана, нахохлившись, как курица, в узких некрасивых очках сидела Прия Шах, инженер по анализу данных. Она всегда вставляла свои фразы так, будто бы только что проснулась:

- Покажи предыдущий участок. Вот, тут уже мы отсле-

живаем реакцию системы, пилот здесь корректирует машину рулем.

Натан тяжело вздохнул.

- Я это вижу.

- Так ты начал объяснять с коррекции!

- Да потому что после нее потеря скорости и является критичной, - каждый раз ему казалось, что он спорит со всем миром. - Моя рабочая версия, что слишком долго сохраняется торможение при нарастающем руле. Задняя ось попросту становится неустойчивой и машину поворачивает больше, чем следует.

Натан верил в эту версию и считал ее максимально правдоподобной. Он в душе не понимал, почему столько сегодня собралось людей, чтобы обсудить то, что и так всем, кто хоть как-то разбирается в машинах, очевидно. Пилоты обожают все обернуть в обертку специфических, не подкрепленных метриками и практической доказательной базой ощущений. Но работа инженера складывается не из ощущений, которые нельзя оцифровать. Если бы они работали по тому, что пилот исключительно почувствовал, они бы не смогли ни с чем работать.

В сегодняшней проверке они изменили настройку дифференциала на сбросе газа.

Сегодня было достаточно тепло для зимней погоды в Брэкли. Уставшая, переполненная мыслями голова посылала

сигналы о том, что надо расслабиться. И надо сказать, что Натан Коул совершенно не умел расслабляться, он не мог просто приехать в свой любимый одинокий домик, погладить своего маленького оверэнергичного терьерчика между ушами и пойти смотреть какие-нибудь тупые сериалы на Нетфликсе. Натан был не из тех людей.

Адам Уитмор, гоночный инженер Грейс Каннингем, торопливо шел к соседней машине, обдувая теплым дыханием замерзшие руки. Натан самодовольно усмехнулся, Адам никогда не умел одеваться по британской погоде.

Британская погода, Адам, никогда не бывает хорошей.

- Ты посмотрел все три круга? – Он заметил Натана, когда тот закурил, стоя рядом с автомобилем.

- Нет, Адам, я красивый сидел на фоне трассы Бахрейна.

Адам как-то нервно хихикнул.

- Слушай, Натан, я правда не собираюсь каждый раз выяснять, почему после ваших разговоров половина команды сидит с лицами, как будто кто-то умер.

Натану было плевать, видел ли Адам, как у него закатились глаза. Бесконечные претензии Адама редко мешали им двоим хорошо ладить и дружить, но Адам был гоночным инженером, а значит у него в привычках было повторение одного и того же раз за разом с терпением меланхоличного кита.

- Передай «половине команды» - Натан сделал особое ударение – мои соболезнования.

Адам отчаянно вздохнул и уже собирался садиться в машину, но потоптался у передней двери. Натан наблюдал за суетливым товарищем с некоторой забавной снисходительностью.

- Нет, Натан, я все-таки скажу тебе, что какого черта ты вообще полез в этот сраный Астон?

Ах, вот значит основная тема нашего разговора, подумал Натан и начал курить побыстрее. Если бы они говорили об этом завтра, градус недовольства Адама был бы куда меньше. Все-таки, снова, эта безумная работа с пилотами научила достаточно эмоционального Уитмора быстро остывать, иначе в паддоке драки были бы неизбежны.

Надо было Натану быстрее уезжать и вообще бросать курить.

- Только не это, Адам, - помотал головой Натан.

Адам обошел свой автомобиль и оказался совсем рядом с Натаном, придержав его за рукав пальто. Возможно только двум людям он позволял такие мувы – Адаму Уитмору, его лучшему другу, и Тото Вольффу – в целом лучшему человеку в мире.

- Мне совершенно безразлично, нравится тебе Каннингем или нет, но мне очень нужно, чтобы она могла нормально обсудить с нами машину. Ты, конечно, сегодня здорово этому «помог».

- Она сама прекрасно справляется с тем, чтобы превратить любое мое замечание в скандал, - Натан оставался спо-

койным.

И подумал, что, пожалуй, ему не надо бросать курить.

- Возможно, - кивнул дипломатичный Уитмор – но ты взрослый мужик с 12 годами опыта. Попробуй хоть иногда этим пользоваться.

- Ты закончил? – Натан старался не рычать, но у него плохо получалось.

Адам выпустил его рукав.

- Да. Подумай об этом.

Сколько нужно выпить магния, выкурить сигарет, поработать со своим ментальным здоровьем, чтобы выдерживать все эти выпады коллег. Нет, никто не говорил, что работа в автоспорте легкая, но Натан честно думал, что без людей это призвание было бы куда более приятным.

Он дождался того, как Адам выехал с парковки и покинул комплекс. Только после этого, надышавшись свежим зимним британским воздухом, Натан сел в автомобиль. Этот вечер мог быть вполне себе сносным, если бы ни Адам. И ни внезапный звонок Тото Вольффа, которому Натан сначала обрадовался, а потом, за долю секунды осознал, что вряд ли Тото будет звонить ему в семь вечера, чтобы по-дружески выяснить, как дела.

Надо сказать, что Вольфф отлично вылавливал моменты для самых неприятных разговоров – когда от него совершенно этого не ждешь.

Он с очень важным видом напечатал результат последней конфигурации.

Конфигурация Б: требуется адаптация пилотирования. Повторить.

Натан прекрасно знал, что половину собравшихся здесь людей люто раздражала его манера делать аккуратные оговорки в устной речи и потом в результате на бумаге выводить: «Ваш пилот не умеет пилотировать». Он уже открыл рот, чтобы прокомментировать свой вывод, но вмешался Уитмор:

- Грейс, следующие три круга мне нужны с более плавным выводом руля и меньшим остаточным тормозом. Без каких-либо других изменений, - он посмотрел на Натана и кивнул – потом можно будет о чем-то говорить.

Натан видел, как Каннингем растерялась и стала водить глазами от него до своего гоночного инженера. Натан прекрасно знал, что это значит. У него была старшая сестра, которая вела себя точно так же перед какой-нибудь истерикой.

- Так, Грейс, давай договоримся с тобой, что замечание к твоему пилотированию является частью нашей работы, - Натан не делал лучше – я не собираюсь каждый раз предварять его замечанием, что мы не отрицаем твой талант.

Адам сделал какое-то такое движение головой, которое обычно означало негласное «будь терпеливее», он, ничего не говоря при этом каким-то образом удерживал дышащего

клубами дыма быка внутри Каннингем. Натан считал, что они просто тратят время, он и так объяснил все достаточно подробно, почему он вынужден сейчас объясняться за свое собственное решение?

- Начало торможения пока оставим, - Адам старался быть мягким, он развернул к Грейс свой планшет и начал показывать свой план на изображении поворота – я не прошу тебя тормозить позже. Здесь, на последних метрах до поворота попробуй раньше отпускать педаль. Посте-е-епенно.

Боже, он говорил, как папочка, который очень не хочет расстроить свою доченьку-корзиночку. Натан снова закатил глаза, сложил руки в закрытой позе на груди. Пусть сюскается с ней, эта девчонка еще откусит тебе полруки, помяни мое слово Уитмор.

- Выводи руль с меньшей скоростью. Это даст нам возможность посмотреть, сохраняется ли проблема с другим сочетанием тормоза и руля, - он обвел всех таким взглядом, будто бы только что разрешил мировую войну. – У нас хватит времени на короткую проверку техники и возврат к исходной настройке. Давайте решим, операторы ждут от нас программу.

Ох уж этот Адам. Всюду он играл в какого-то кота Леопольда. Давайте жить дружно, говорил всем, а потом его же первым затыкали вилами. Натан предупреждал это и не позволял себе смягчаться относительно работы.

- Я не хочу заканчивать день выводами, что моя конфигурация не подходит, - ответил им Натан – мы еще не закончили проверку, которую я запросил.

Проще всего выставить идиотом человека, который «не сидит в кокпите», да?

- Ты можешь закончить день открытым вопросом – предложил Адам.

Натан почувствовал, как у него горят уши. Ну да, он говорил, что он может закончить день не выполненной работой и завтра сесть на коврик перед Вольффом, потому что всем этим людям удобнее не замечать проблемы перед собственным носом.

Он решил пойти ва-банк и обратился прямо к Грейс. Впервые за весь этот чертов день так, как она того заслуживала – холодно и сдержанно:

- Скажи мне, что тебе мешает выполнить эту проверку? Если мои указания тебе не понятны, давай разберем.

Он говорил таким тоном, после которого обычно люди не соглашаются на его «давай».

- По твоим вздохам и кивкам я не составлю программу!

Она вздернула голову и посмотрела на него такими глазами, будто бы будь у нее сейчас пистолет под столом, она без сомнения бы выстрелила в него. Так Натан ее и охарактеризовал для себя: «пуля», огнестрельное оружие, которое не оставляет мягкому человеческому телу никаких шансов.

- Бесполезные попытки, вот что! – Рявкнула она ему пря-

мо в лицо. – Верните мне прежние настройки и дайте проехать еще раз. До ваших сраных изменений мне не приходилось так ловить машину!

Они поспорили, и Натан окончательно упустил суть спора, ему казалось, что они с Грейс вообще разговаривали на разных языках, о разных понятиях. В конце концов он услышал ее отказ от того плана, который он предлагал. И здесь все пошло по наклонной вниз.

Телефон вибрировал в руках. Натан знал, что Вольфф будет дозваниваться, пока он не ответит. Эта настойчивость Тото была, без сомнения, прекрасной, но не сейчас. Сейчас Коул хотел остаться в своих собственных мыслях. Если Тото хотел услышать, что Натан раскаивается в том, что обидел бедную девчонку, он не раскаивается. Он сказал тогда все то, что считал важным, даже если перешел на личности. В конце концов, нужно очень сильно постараться, чтобы его задеть.

У нее получилось просто великолепно!

- Я слушаю, - снял трубку Натан.

- Натан, добрый вечер. Давай поужинаем где-нибудь в ближайшие 20 минут. Ты свободен.

Натан чуть не опешил от таких предложений. Нет, Вольфф бывает ну очень внезапным, но обычно он говорил все так, как это должно быть услышанным. Натан растерялся. Он вставил ключ зажигания и перебрал практически все варианты, которые можно было бы показать без стыда тако-

му человеку, как Тото Вольфф. В конце концов, вряд ли он хотел по каким-нибудь замшелым барам. А Натан не ходил по блистательным ресторанам.

- Эм… да, давайте, есть недалеко один ирландский бар, вы имеете что-то против баров?

- Рекомендуешь его как ирландец?

Натан улыбнулся. Настроение стало немного лучше.

- Как человек, который один раз уже отравился в нашей корпоративной столовой.

Тото рассмеялся на том конце.

- Хорошо, присылай адрес.

Это казалось отличным завершением вечера, если быть честным. Коул все равно туда сегодня собирался, а теперь и в приятной компании. Зная Тото Вольффа, он вряд ли стал бы приглашать его поужинать вместе, если бы хотел морально расчленить. В конце концов, Натан снова и снова думал о том, что мистер Вольфф был большим профессионалом, он прекрасно знал, как работает его команда, он знал практически каждого лично и не позволял себе забывать имена и фамилии. Это свойство их руководителя восхищало и пугало одновременно. За исключением единиц, его все уважали и любили. Он бывал строгим, но никогда не был несправедливым. Натану, конечно, много раз говорили, что он не объективен и идеализирует человека, которым восхищался, но сам Коул абсолютно отрицал это. У такого, как Тото Вольфф, им всем стоило бы поучиться, как прожить эту жизнь успешно.

Ну и да, сегодня он не закончил день открытым вопросом.

Раздражение, которое сопровождало Натана весь день заметно ослабло. Он почувствовал себя восемнадцатилетним мальчишкой, которому разрешили отужинать с таким человеком!

Очень неприятное ощущение в тридцать шесть.

- Адам, я пытаюсь получить согласие на прохождение программы! Мы уже потратили на это больше времени, чем заняли бы эти чертовы три круга!

Натан посмотрел на часы и написал короткое сообщение операторам. Следующая группа уже готовилась к работе, а он до сих пор не мог дать ответ, какую конфигурацию им загружать. Ни одна из спорящих сторон пока что не ответила, кто будет оплачивать затянувшийся разбор.

- Я предупредил о задержке. Десять минут нам дадут, а дальше нам уже придется согласовывать перенос.

Натан снова обратился к Грейс:

- У тебя есть право сказать мне, что твоя машина неудобная, непредсказуемая, что ты не можешь повторить на ней свой же результат, именно это нам и нужно от тебя услышать. Но требование вернуть прежние настройки после отказа от проверки оставляет мне слишком мало вариантов.

Он говорил куда быстрее привычного. Эта идиотская фраза про «бесполезные попытки» задела его так, словно

кто-то иголку в мозг засунул и повертел там. За каждой этой «бесполезной попыткой» стояла подготовленная конфигурация, занятое оборудование, люди, которые не уйдут домой вовремя. Грейс Каннингем просто сейчас одной фразой перечеркнула всю эту работу. И все, что хотел сейчас Натан Коул – это показать ей, насколько его это разозлило.

- Ты требуешь от меня, чтобы я тебе что-то искал и сама же решаешь, какие результаты нам дашь. Так работать невозможно!

- Натан, она уже дала тебе результаты, они на экране – снова вмешался вежливый Адам.

Жалко этого добряка, вечно он между молотом и наковальней.

- Я разговариваю с Грейс, - не поворачиваясь ответил Натан. – И если на любое замечание к технике я буду получать «никогда» и «это исключено», то я начинаю понимать, почему у тебя не сложилось в Астон Мартин.

Адам резко выпрямился и подался вперед.

- Натан, ты там не работал, следи за тем, что ты говоришь, пожалуйста.

Коул остался там смотреть на Грейс Каннингем. Отступить сразу, при Уитморе, казалось для него унизительнее, чем оставить сказанное в силе.

Его любимый ирландский паб находился в небольшом го-

родке неподалеку от Брэкли. Натан открыл его для себя еще в первые годы работы здесь, на Мерседес, и с тех пор частенько заглядывал сюда, чтобы выпить и поужинать.

Внутри было все в лучших традициях настоящего ирландского бара и плюсом к тесноте, привычной ирландским заведениям с плохой вентиляцией, сегодня было очень многолюдно. Мест за столиками не хватало и ему предложили сесть за барной стойкой. Отказываться от этого места уже не имело смысла, так что Натан согласился, мысленно представляя, насколько Вольфф скорее всего будет недоволен. Он складывал впечатление, как о человеке, который очень любит комфорт.

У бара открывался особенный вид – над ним висели разнообразные фотографии из жизни этого места, фотографии ирландских регбийных команд, по телевизору над баром крутили футбол, из динамиков где-то справа тихо тянулся Ван Моррисон.

Пришлось включиться в небольшой смалл-толк с барменом, заказать себе немного еды и обсудить футбол, которым Натан в целом интересовался, просто сегодня было совсем не до этого. Десять минут прошли мгновенно, колокольчик над тяжелой входной дверью прозвенел, впуская внутрь немного запыхавшегося высокого Тото Вольффа, которому при этом пришлось немного согнуться, чтобы не врезаться в дверной косяк. Натан старательно пытался прочитать по его выражению лица, насколько ему пришлось это место, но То-

то, кажется, было абсолютно все равно. Он не особо рассматривал интерьер и сразу же заказал себе какую-то газировку.

- Интересное место, - это было его единственное заключение.

- Здесь настоящая ирландская кухня, я знаю, что здешний повар родился в Корке.

Натан протянул Вольффу меню и заметил, насколько же Тото выглядел уставшим. Под глазами при таком освещении залегли тени, а на лбу узнаваемая складочка казалась глубже обычного.

Как-то он много замечал различных мелочей в этом человеке. Это очень сильно раздражало.

Натан ничего не говорил, а Тото какое-то время просто рассматривал висящие стеной над баром фотографии. Он даже немного улыбался уголком губ.

- Давно ты сюда ходишь? – Задал вопрос Тото, не смотря на Натана.

А Натан сидел так, что отлично видел его хорошо заученный профиль.

- Лет пять, наверное. Здесь делают приличный стаут и не включают гонки во время ужина.

Вольфф улыбнулся еще шире и даже, кажется, чуть-чуть посмеялся.

- Да, серьезное преимущество.

- Для меня, - Натан тоже заулыбался, поднимая брови – огромное.

Вольфф кивнул, а потом достал телефон, положил его между ними на стойку, подвинул отчет к Натану и Коул тут же попрощался с приятным вечером.

Ну и подстава, Вольфф.

Он даже был почти разочарован, что Тото мог так поступить. Но Тото умел использовать любые преимущества для достижения своих целей. Он прекрасно знал, что скорее всего Натан просто настоял на том, чтобы решать рабочие моменты в рабочее время, а завтра все стало бы чуть менее острым, чем сегодня.

Сейчас Натану деваться было некуда.

- Итак, - нахмурившись начал Тото – я видел ваши результаты. Объясни мне, что произошло.

Натан обреченно выдохнул и решил, что сегодня оставит машину здесь, пойдет до дома пешком, потому что ему ужасно хотелось выпить.

- С настройками?

Вольфф смотрел на него, не моргая.

- С вами, Натан.

Натан позвал бармена, попросил еще одно меню и сделал вид, будто бы выбирает себе выпивку.

- У нас возникли небольшие разногласия.

- Это я еще из отчета Уитмора понял. Он, знаешь ли, гораздо четче пишет об изменениях настроек, чем о человеческом поведении.

Ц! Натан даже не сдерживался и открыто цокнул, пони-

мая, что это просто чертовски идиотская ситуация. Не то, чтобы он не ожидал такого доноса от Адама, это всегда было и будет, в конце концов, у него были свои планы и свои взгляды на всю эту ситуацию, но мог бы хотя бы не сразу написать об этом Вольффу. Не обязательно об этом всем рассказывать руководителю команды.

- Какое хорошее качество для гоночного инженера, - медленно выдал из себя Натан.

Вольфф позвал его по имени, и Натан отложил меню. Что ж, если этого разговора нельзя было избежать, стоит хотя бы испортить до конца то, что и так было испорчено.

- Каннингем совершенно не воспринимает замечания, мистер Вольфф. Любой разговор превращается в спор о том, кто лучше понимает ее машину. Она почему-то считает, что достаточно описать, кхм, - он прочистил горло, чтобы акцентировать это великолепное – «ощущения», и мы обязаны найти подтверждение ее словам.

Тото выслушал его без единого возражения.

- А что ты предложил?

Натан чувствовал в этом вопросе подвох.

- Изменить характер, - *и ее поведение,* подумал Натан – отпускания тормоза. У нас есть серьезная нестабильность на выходе, и я хотел проверить, насколько это зависит от действий именно пилота.

- Что ж, - Тото немного приободрился, - полагаю, ты получил свои результаты.

Получил, правда к тому времени Каннингем предпочитала разговаривать исключительно с Адамом.

Длинные пальцы Уитмора в каком-то невероятном движении пробежались по клавиатуре, он развернул планшет к Грейс.

- Прежние настройки мы тоже проверим. Давай пока пройдем эти три круга.

Бровь Натана дернулась вверх, он в недоумении помотал головой. Его просто ужасно раздражала манера Уитмора быть ну слишком дипломатичным там, где нужно быть жестким.

- Не надо писать в результатах, что с машиной все в порядке.

- Мы еще сравниваем результаты, Грейс.

Натан заметил, как девчонка посмотрела то на своего гоночного инженера, то на Коула.

- Ладно, - это, черт возьми, звучало как уступка, как одолжение! – Три круга.

О, какое великодушие. Натана тошнило от этого разговора и общества.

- На трех кругах коррекция уменьшилась. Время все еще остается ужасно нестабильным, нам еще нужен повтор сравнений.

- Получается, проверка еще продолжается? – Натан клялся, что Вольфф загоняет его в какую-то ловушку.

- Ну, да – просто ответил Натан.

Ему показалось, что этим он сам в эту ловушку зашел. Вольфф пролистал на телефоне несколько страниц.

- Тогда почему вы поссорились?

Натан снова начал раздражаться. В самом деле, он не мог отказать Вольффу в ответе, как сделал бы это с кем-либо другим.

- Да потому что она убеждена, что проблема исключительно в машине!

Натан надеялся на понимание такого умного человека, как Тото Вольфф. Если не он, человек, который был на дороге, в кокпите, прошел огромный путь от гонщика до руководителя целой команды, знает, что это все значит, насколько не корректно всегда обвинять технику! Насколько просто свои кривые руки прикрыть не идеальностью того, что можно поправить, да?

- Она отказывается признать, что ее манера пилотирования может быть настоящей причиной.

Натан поймал себя на том, что просто бесконтрольно жалуется на Грейс, но назад пути уже не было.

- Я хочу понять, где заканчивается технический разговор и начинается переход на личности. Адам упомянул, что ты сказал…

О, ну да, вот она причина всего! Всего лишь то и нужно было, что надавить на слабую сторону человека, как он сразу же растекся в лужу. Не место таким пилотам в Формуле 1.

Куда Вольфф смотрит!

- Я разозлился! – Вспылил Натан так, что обратил на себя внимание бармена и ближайших людей.

- Это я уже понял, - крайне терпеливо ответил ему Вольфф.

- Прекрасно, мистер Вольфф, значит мы приближаемся к взаимопониманию.

По глазам Вольффа было понятно, что это… не совсем так.

- Послушайте, Тото, я знаю, что вы сами принимаете решения по Каннингем. И я знаю, что мое мнение по этому поводу вас совершенно не интересует.

Он сдался, махнул рукой, забирая свой стаут с подноса.

- Натан, мне не нравится такой разговор.

- Как и мне, но этот контракт уже подписан.

- И?

Натан чувствовал, как Тото сдержанно злится на него. Натан никогда не был человеком, из которого все нужно вытаскивать клещами, но он попросту растерялся. Что там Уитмор понаписал и что ему нужно сказать, чтобы хоть как-то исправить ситуацию, которую невозможно было исправить. Просто оправдываться.

- И у нас теперь есть три года, чтобы выяснить, что она совершенно не соответствует требованиям команды.

Тото развернул телефон экраном вниз и опять приблизился чуть ближе. Натану захотелось машинально отодвинуться.

- То есть ты считаешь ее не квалифицированной?

- Да, - не задумываясь ответил Натан. – Я не понимаю этого приглашения! У нас великолепнейшая инженерная группа, одна из лучших машин и серьезные планы на сезон. И тут вы берете девушку, которую Астон Мартин выставили за дверь через два месяца.

Натан помолчал ровно секунду, чтобы отпить стаут.

- Объясните мне, сэр, что такого вы увидели в ней, чтобы предложить контракт.

Вольфф потер переносицу и развернулся к барной стойке. Натану не нужно было хорошо его знать, чтобы угадать, что сейчас думает Тото. Он наверняка сожалел, что вообще начал этот разговор и что не обязан ни за что оправдываться перед всего лишь каким-то малозначимым главным инженером по динамике машин, в которые он вкладывает просто нереальные деньги.

- Я увидел достаточно для того, чтобы предложить контракт, - как же экологично он ответил, браво! – Я не обязан убеждать тебя, Натан, в правильности каждого моего кадрового решения.

Натана будто бы на лопатки положили и головой о бетон приложили.

- Кхм… да, разумеется, но…

- Но я ожидаю, что ты будешь работать с обоими моими пилотами на одинаково профессиональном уровне.

У него был очень холодный, почти жесткий взгляд. Натан

закусил собственную гордость.

- Адам считает, что ваше взаимодействие с Грейс начинает мешать процессу.

- Адам… преувеличивает, - куда менее воинственно ответил Натан.

- Нет, Натан, Адам Уитмор обычно очень осторожен в подобных оценках.

Да, с этим и не поспоришь, подумал Натан. Он много лет знал этого человека и знал, что Адам в самом деле терпеть не мог на что-то жаловаться начальству, особенно на коллег, особенно на друзей.

Коул проглотил ком в горле.

- Она выводит меня из себя, - признал Натан. – Тото, она может спорить пятнадцать минут подряд, совершенно игнорируя все, что ей вообще говорят. У нее на любой мой график находится какое-нибудь возражение. Грейс всегда ведет себя так, будто бы мы тут собрались исключительно затем, чтобы поставить под сомнение ее талант.

Тото посмотрел на Натана чуть сверху.

- Так может быть вы действительно ставите его под сомнение?

Натан развел руками.

- Я не вижу в ней ничего исключительного!

Тото видимо уже утомился от этого разговора и положил Натану тяжелую руку на плечо. Коула как будто чуть-чуть пробило молнией, он тяжело выдохнул от множества ощу-

щений, которые его в тот момент переполняли. Он ненавидел, когда Вольфф переходил его личные границы и пользовался вот такими запретными приемами.

- Я не прошу тебя искать исключительность *в каждом* ее круге.

Натану нечего было ответить.

- Грейс действительно довольно неопытная для нашей команды. Она знает это, я знаю это, Джордж знает, но мы заключили этот контракт, предполагая, что ей понадобится время и наша помощь.

- Три года, - кивнул Натан, повторяя это как мантру.

- Когда у нас появилась информация о ее работе в Астон Мартин, меня заинтересовали некоторые особенности ее пилотирования. Я хотел посмотреть, как они проявятся на нашей машине и пока еще рано делать какие-то конкретные выводы, Натан.

Натан нахмурился. Он в упор не понимал, что Вольфф пытался ему донести.

- Особенности? Какие именно?

- Например, - Тото, кажется, стал намного легче в общении – то, как она работает с траекторией при изменении сцепления. Я думаю, что там есть некоторые вещи, которые нам стоит изучить.

Он серьезно считает, что у этой выскочки есть потенциал? На ее фоне достаточно требовательный, но всегда экстравежливый Джордж казался просто верхом профессиона-

лизма с его стабильными результатами и умением разговаривать с командой!

Натан отпил еще немного черного горького, как его жизнь, стаута и попытался скрыть собственное разочарование. Вольфф редко говорил о пилотах настолько определенно, Коул это знал.

- Ладно, - убирая пенку с верхней губы, сказал Натан – допустим, я был резок с ней.

- Ты перешел на личности, - поправил его Вольфф.

- Да, спасибо, мистер Вольфф, теперь я точно знаю, что мне делать с собственным чувством вины.

- Больше никаких комментариев об Астон Мартин, Натан.

Коул скривился. Только от того, что сегодня стаут был каким-то особенно горьким, только из-за этого.

Когда Вольфф собрался уже уходить, так и ничего не съев в этом чудесном месте (что Натану казалось каким-то личным оскорблением, он показал Тото лучшее место в округе, личное место силы, считайте), к ним подошел какой-то пожилой ирландец, осторожно обратился к Тото с предположением, работает ли он в Мерседес.

- Да, он ремонтирует служебные автомобили, - жуя стейк ответил Натан.

Тото улыбнулся сгорбившемуся старику, которому было на вид не меньше сто двадцати лет.

- В основном – очень дорогие.

Старик помотал головой и махнул недоверчиво рукой.

- Чертовы англичане.

- Я ирландец! – Поправил его Натан.

- А я австриец! – В догонку ответил Тото.

Нормальная ситуация в ирландском пабе. Если нет какого-нибудь старика, который обвиняет в своей несчастной судьбе очередного британца, то это закос под ирландский паб.

Тото рассмеялся. Натан поймал себя на мысли, что ему нравится, как звучит этот смех. Это случалось и редко, и одновременно с этим достаточно часто, но не так. Искреннее.

- Ты собираешься в Ирландию на праздниках? – Совершенно внезапно спросил Тото.

Натан отвлекся от еды.

- Не знаю. У сестры уже месяц зреет какая-то грандиозная идея семейного восстановления. Она хочет, чтобы я приехал хотя бы на неделю. На неделю, Тото! За неделю там потерять рассудок можно!

- Ты ведь давно ее не видел? Тогда стоит съездить, Натан.

О, ну да, Вольфф прекрасно знает, какой великой силой обладает такая стихия, как семья. Жаль, конечно, что у Натана семья не настолько уж и счастливая была, как у мистера Вольффа. Но в чем-то Тото был прав, Натан уже давно не видел своих племянников, они всегда помогали ему вернуть голову на место и немного отдохнуть. Это все еще не исключало того, что его раздражение на Грейс вовсе не из-за того, что Коул адски устал.

- Говоришь прямо, как она!

- Похоже, что она умная женщина, - Вольфф отпил своей минеральной воды.

- Да, вы в чем-то похожи, - ответил Натан – оба любите распоряжаться моим *свободным* временем.

Это был намеренный укол и Вольфф, кажется, его отлично считал, довольно заулыбавшись. Он улыбался так каждый раз, когда понимал, что его переиграли на его же поле.

- Ну, зато твоим *рабочим* временем я вполне доволен. За исключением сегодняшнего дня.

Натан поджал губы и поднял в честь этой потрясающей фразы остатки стаута.

- Вот теперь узнаю моего начальника.

Натан шел домой пешком. Погода была для этого более чем подходящая, да и хотелось побыть наконец-то наедине со своими личными мыслями. Натан Коул прошел все круги этого бюрократического ада, чтобы заработать свое личное место под солнцем. На самом деле ему было совершенно не чуждо отношение Грейс Каннингем ко всему, что происходит вокруг него, в какой-то мере он думал, что он проходил то же самое. Она стояла против всех и считает, что знает себе цену. Натан поймал себя на мысли, что он понимает ее. И при этом совершенно не поддерживает ее, потому что свято считал, что она не заслуживает даже толики этого понимания.

Неправильно будет вставать в оппозицию и совершенно

непрофессионально – начинать эту девочку «топить». В конце концов, кому еще выпадает такая возможность – доказать свой талант в Мерседес. Кто такой, этот ваш Натан Коул, чтобы спорить с судьбой (или Тото Вольффом)?

И все же, если Вольфф считал, что в ней есть что-то уникальное, куда Натан должен посмотреть, чтобы это увидеть?

Может быть, Тото Вольфф прав и он слишком экспрессивно себя вел. Натан не привык таскаться за маленькими щеночками, которых Вольфф подбирал на обочинах Формулы 1. Вот при работе с Льюисом все было иначе. Это был тот профессионализм, к которому каждый пилот на этом уровне должен стремиться.

Грейс Каннингем была в миллион раз не Льюис Хэмильтон.

Абсолютно во всем.

Натан усмехнулся. Надо отдать это поганке должное, она хорошо его опустила тогда.

- А, Натан, раз ты такой знаток машин Астон Мартин, может быть тебе пойти к ним работать? Я тебе так скажу, сядь туда и сам попробуй нажать на газ, когда у тебя колеса задние буксуют. Я посмотрю, как у тебя получится!

Натан уже почти дошел до дома. Спанч Боб, его верный Джек-Рассел терьер стоял передними лапами на спинке дивана и смотрел ожидающе в большое окно в гостиной. Он всегда отлично слышал, как хозяин отворяет маленькую ка-

литку переднего дворика. Натан услышал топот торопливых лап, а когда открыл дверь, на него налетел его четырехлапый пожилой друг.

Его милый старичок Спанч. Натан подхватил его на руки.

- Да, красавчик, я тоже очень скучал. Как ты тут без меня?

Днем с ним приходит гулять местный выгульщик собак, у Натана в последнее время не было сил даже прогуляться со Спанчем хотя бы вечером. Но именно сегодня он посмотрел на висящий поводок на крючке. Он нужен этой собаке. Собаке, которая с такой любовью смотрела ему в глаза в темной прихожей, как никто никогда не смотрел. Что бы Натан ни вытворял, сколько бы он ни задерживался на работе, каким бы усталым не приходил, Спанч никогда не жаловался. Он любил его с каждым днем так же сильно, как и все предыдущие дни.

- Ладно, давай пойдем прогуляемся? – Он взял поводок.

Собаке не нужно было большего, Спанч был уже счастлив. Он был готов гулять в любое время суток, крутиться вокруг хозяина, призывать его хриплым стареньким гавканьем. Холодное сердце Натана наполнилось горькой любовью к этому своему старому другу.

Ему ведь недолго осталось. Он подхватил Спанча на руки и прицепил поводок, Спанч уже не в том возрасте, чтобы носиться как безумный.

Натан отдал бы все, чтобы продлить этому существу его доброе существование.

- Держись, малыш. У меня завтра выходной, будем гулять с тобой весь день, хочешь?

Спанч Боб – единственный, кто за эти сумасшедшие 11 лет его никогда не предал.

Глава 3. Джордж Расселл

Каждый пилот Формулы 1 представляет себя на подиуме хотя бы раз в жизни. Но точно не каждый представляет кого-то рядом. Мы просто не задумываемся о том, кто может быть с нами в этот момент.

Монако, Февраль. 2027 г

Февраль в Монако был прекрасным месяцем, когда в городе еще не было безумного количества туристов и погода была достаточно приятная. Несмотря на сегодняшний ветер, в целом было очень солнечно и настроение само поползло вверх. Это помогло немного отпустить ситуацию и убедить себя в том, что нет ничего ужасного в том, что они с Грейс встретятся только сейчас, перед непосредственным стартом сезона. По-хорошему, им стоило бы провести больше времени в Брэкли и Тото на это раз двести уже Джорджу намекал (и даже говорил напрямую), но у Расселла были ну очень уж насыщенные каникулы.

Не сказать, что Расселл многое о Грейс знал. Он провел много времени, анализируя последние ее несколько гонок. Ладно, он провел неприлично много времени за эти грустным анализом только потому, что остался в Монако один и ему категорично нечем было заняться. Начал он с нарезки последних моментов, а закончил тем, что просмотрел гон-

ки целиком. В определенных отрезках Грейс Каннингем выглядела подозрительно убедительной, но Рассел прекрасно знал, что каждый из них будет выглядеть убедительным, если оставить им их лучшие 15 минут от гонки.

С полными гонками было немного понятнее. Джордж смотрел на все это с видом полного знатока. В каких-то моментах он абсолютно точно понимал, что Грейс хотела сделать и где ошиблась, но иногда она делала то, что совершенно не укладывалось у него в голове, а потом каким-то невероятным образом обращала подобные инциденты в свою пользу и оказывалась впереди противника. Джордж все чаще ловил себя на мысли, что повторяет в голове одну и ту же фразу: *Я бы так не сделал.*

Джордж накопил целую массу вопросов к ней. И ни один из них не подходил для первого ужина в гостях. Он оценивал каждую ее ошибку с неприятной придирчивостью.

Один раз Тото Вольфф, конечно, снизошел до того, чтобы спросить у Джорджа его мнение, и они долго разговаривали. Мистера Вольффа Джордж знал очень давно и уважал его достаточно, чтобы не ставить вообще никакие его решения под сомнения. Если Вольфф берет на себя ответственность за пилотирование Каннингем, то Расселл что тут может сделать? Он был полностью уверен в том, что ему в напарницы не дали бы какого-нибудь Эстебана Окона.

При всем уважении к Эстебану.

Он приехал за 8 минут до начала и, хотя в гостях все-та-

ки нивелируются эти тайминги пунктуальности, Джордж все равно предпочел немного поторчать на улице. Он купил отличнейшую бутылку любимого чилийского полусухого вина и держал его в руках, как единственный презент хозяевам дома. Выглядело даже немного унизительно, Джордж в последний момент додумался о том, что ему стоило бы сделать комплимент Сьюзи Вольфф хотя бы скромным букетом цветов. Поделать было нечего, и он поднялся к Вольффам.

К счастью для него, Грейс немного опаздывала. Джордж старался не поднимать не нужные вопросы раньше времени, поэтому занимал себя пространной болтовней о подготовке к свадьбе и перепиской с Кармен, которая заставляла его выбирать из двух абсолютно одинаковых ламп, а когда он выбрал один из вариантов, она сказала, что это одна и та же лампа с разных ракурсов.

- Побудь с Грейс, пока мы с Тото закончим с ужином, - Сьюзи, как обычно, была сама любезность.

- Вы сказали, что все готово, - улыбнулся Джордж, поглядывая на часы.

- Тото имел в виду исключительно свою часть. Ты открыл вино?

Он увидел небольшое разочарование на лице Сьюзи. Джордж поджал губы и понял, что совершил глупость.

- Оно просто дышит, - пожал плечами Расселл.

И заработал ободряющий хлопок достаточно крепкой ладони хозяйки дома по его плечу.

- Бери у него пример, Джордж.

В какой-то момент Грейс Каннингем была уже на пороге. С дороги она казалась немного растрепанной и уставшей. Джордж тут же встал с дивана, чтобы встретить гостью ну и выказать некоторые джентельменские манеры, если хотите. Каннингем оказалась ниже, чем он себе ее представлял. Обычная бледнолицая скандинавская женщина, достаточно привлекательная, в ней не было ничего отталкивающего, кроме, пожалуй, какого-то тяжелого взгляда. Расселл попытался разглядеть цвет ее глаз и понял только то, что они определенно не голубые.

- Hej, - поздоровался по-шведски Джордж. – Я рад наконец-то нормально познакомиться.

- Привет, - она не поддержала и поздоровалась с ним по-английски. – Это взаимно.

Она пожала ему уверенно руку, без той чрезмерной силы, с которой некоторые люди зачем-то здороваются с пилотами болидов. Грейс смотрела прямо на Джорджа и исключительно безупречное британское воспитание заставило его сделать шаг назад, чтобы Каннингем перестала задирать на него голову. Да, в телевизионной картинке она выглядела куда мягче, чем в жизни. В ней было что-то требовательное, даже если она ничего не говорила. Как же легко принять такое въедливое выражение лица за постоянное недовольство.

Джорджу в глаза бросились задранные до локтя рукава ее простенького джемпера. Его не смутили татуировки на ее ру-

ках, его смутила небрежно смятая ткань у локтей, на одной руке джемпер был задран чуть выше другого. Он отметил это с нелепой ясностью и решил, что свои рукава он бы давным-давно уже поправил.

Сьюзи сделала настоящую подлость с тем, что оставила их самого начала наедине. Нет, возможно в этом и состоял коварный план Вольффов, чтобы будущие напарники с самого ходу разобрались с тем, как будут общаться друг с другом, но Джордж помнил слова Тото о том, что им необходимо будет познакомиться поближе заранее, чтобы определиться, насколько они подружатся. На предположение Джорджа, что они могут не подружиться, Тото ответил, что лучше в таком случае определить это быстрее, чем это сделает пресса.

Он бросил взгляд на диван и увидел небольшую папку с эмблемой Мерседес для бумаг рядом с мешковатой сумкой Грейс. Он эту бюрократию из тысячи узнать мог. Он привез домой неделю назад точно такую же, набитую графиками, планами и расписаниями. Перед Мельбурном надо было пройти семь кругов ада.

Но что есть всего лишь семь кругов для гонщика, который порой проходит их в количестве 60 штук?

- Тото сказал, что ты уже начала работать с командой, - сказал Джордж, все еще разглядывая то, насколько толстенькая была эта папка.

- Да, начала, но я пока пытаюсь просто запомнить людей

вокруг. Они знают, кто я, а мне остается только надеяться, что человек, с которым я поздоровалась дважды за день не обидится на меня за это.

Джордж усмехнулся.

- О, нет, обижаться будут только те, с кем ты не поздоровалась.

Он мог бы объявить ей несколько имен, объяснить к кому следовало бы обратиться за помощью в первую очередь, но вместо этого зачем-то спросил то, чего вообще не планировал:

- Как тебе твой переход? У нас ужасно мало времени осталось.

Грейс что-то держала в руках и рассматривала, Джордж не успел разглядеть, она повернулась к нему и ответила:

- Ты про команду или про машину?

Расселл даже немного растерялся. Ему казалось, что это очевидный вопрос.

- Про работу с нами.

Грейс опять неопределенно пожала плечами. Ему показалось, будто бы он назвал не тот ответ, который она хотела бы слышать.

- Ну, пока все очень вежливые.

Джордж невольно заулыбался, зачем-то ожидая продолжения, но Грейс предпочла не продолжать. Он прекрасно знал, какими бывают эти «очень вежливые» люди. В какой момент у них эту вежливость сдувает.

- Это пройдет, - сказал Джордж.

Расселл решил, что все-таки поговорить с ней без присутствия Тото сейчас было хорошим решением. В конце концов, когда начальство в поле зрения, даже если это всего лишь гостевой ужин, как-то невольно напрягаешься. Учитывая, насколько Грейс и Джордж чужие друг другу люди, и они сейчас были далеки даже от звания «напарники», они могли быстро перейти к старательном изображению удачного кадрового решения перед мистером Вольффом.

- Я посмотрел несколько твоих гонок, - Джордж начал неуверенее, чем хотел бы.

- Зачем? – Грейс ответила внезапно отрешенно.

Ее вопрос был лишен какого-либо вызова. Именно поэтому ответить на него Джорджу оказалось труднее, чем он думал. Он мог сослаться на банальную подготовку, но ему же никто не поручал тратить столько времени на просмотр чужих гонок.

- Хотел оценить, как ты ездишь. Мы не пересекались с тобой на трассе, - это звучало практически токсично, учитывая все обстоятельства и то, за какие места обычно борется Астон Мартин.

- И что ты понял?

- Ну… кое-что. У меня не было твоих данных и телеметрии. Только картинка и возможность додумать причины принятых решений.

Она посмотрела на него так внимательно, что Расселлу

ничего не оставалось, кроме как немного задрать голову и дать ей понять, что он в курсе, как это все звучит. И отступать не намерен.

- И ты их уже додумал?

- Некоторые, да.

Грейс снова пожала плечами. Бога ради, Джорджа уже начинала раздражать эта манера на все отвечать таким жестом.

- Ну давай, назови самое неправильное. Пока нас не позвали на ужин.

Джордж же готовился к таким вопросам. Он даже выписал себе план действий, если Грейс Каннингем начнет вести себя колко и вызывающе, но у него не сработал механизм автоматического ответа. В его плане не было пункта, где он сам был инициатором неприятного разговора, потому что с его точки зрения, в любом случае, он все делал правильно. Теперь в живом разговоре его выставляли каким-то экзаменатором, а Джордж Расселл, который составил на стиль вождения Грейс Каннингем целую характеристику, думал, что это абсолютно незаслуженно.

Он выдохнул, подбирая то, что могло хотя бы не быть оспорено. Сейчас он подозревал, что девушка, которая на его слова о просмотре ее гонок не спрашивает: «И как тебе?», «Понравилось?», а каким-то колким «Зачем?» могла оспорить вообще все, что угодно.

- Мне показалось, что ты иногда принимаешься защищаться, когда уже выгоднее просто пропустить и сохранить

шины.

- Получается, что тебе понятно то, что выгоднее.

- Когда я смотрю запись гонки с дивана, почти всегда.

- Что ж, отличное место для аналитики, Джордж, зря ты его покинул.

Джордж неожиданно для себя открыто усмехнулся. Ладно, Грейс Каннингем, в этом инциденте, пожалуй, 1:0. Джордж отказывался принимать свое поражение, одно случайное набранное очко противником еще ни о чем не говорит.

- Какую гонку ты смотрел? – Она смягчилась и это совсем сбило Расселла с толку.

Он рассказал про Баку в прошлом году. То самое злополучное Баку, в котором Грейс, кажется, показывала свой лучший результат, который испортила, как говорят исключительно потому, что машина была неисправна. Джордж это проверять не стал, ему было практически все равно, как получился этот занос, перекрывший воздух Астон Мартину в Баку, он пытался найти там что-то менее очевидное. И, наверное, более интересное.

- Да, мне надо было пропускать.

Он уже открыл рот, приготовившись объяснять свою позицию и исключительное экспертное мнение, чтобы доказать, сколько она потеряла на этом круге и на последующих кругах, но объяснение застряло в горле, Джордж просто поводил челюстью.

- Ты… это сразу поняла?

Опять это идиотское движение плечами! Джорджу захотелось схватить ее за эти самые плечи и удержать на одном месте.

- Нет, Джордж, - ответила Грейс – мне понадобилось испортить себе уик энд.

Он стоически выдержал этот выпад.

- Тебе из машины было понятно, насколько Пьер был быстрее?

- Да, - ответила она, но как-то совершенно не удовлетворительно – я думала, что подержу его еще какое-то время за собой, а потом он все равно меня прошел. Мне оставалось ездить на том, что я успела сделать со своими шинами. Ты это хотел услышать?

На ее последнем вопросе Джордж уже начал чувствовать раздражение.

- Я хотел узнать, ты ошиблась в оценке или есть причина, которую я не знаю?

Грейс посмотрела на него долго, не моргая.

- Ошиблась, - наконец выдала Каннингем. – Можешь так и записать.

Джордж одарил ее таким же взглядом. Только позиция у него была, по его мнению, куда более выигрышная. Не он начал тут брызгать ядом на совершенно обычные бытовые гоночные вопросы.

- Я оставил блокнот в пальто.

Они смотрели друг на друга еще какое-то время, как дети, которые играют в молчанку и ждут, когда кто-нибудь первый сдастся. И, конечно же, каждый видит на лице своего противника, что вот, вот сейчас…

Грейс сдалась первая:

- Ты всегда так знакомишься? Выбираешь для человека его 15 минут позора и просишь прокомментировать?

Джордж поймал себя на том, что тоже пожал плечами. Вот черт, что за дерьмо!

- Ты сама предложила начать с неправильного.

- Да, но ты бы мог начать с того, что я выбрала неправильный джемпер.

Джордж невольно опустил глаза на ее джемпер, потом на свой и обнаружил, что они практически одинакового цвета.

- Но тут я понимаю, конечно, ты связан обстоятельствами.

Он едва проглотил подкативший к горлу странный ком. С ним обычно так не разговаривали, и Джордж был просто обескуражен тем, с какой скоростью Грейс Каннингем парировала абсолютно все его попытки установить собственный авторитет. Не то, чтобы это была конечная цель Расселла на сегодня, но он в самом деле считал себя более опытным, первым пилотом команды и рассчитывал хотя бы на то, что напарница выкажет ему какое-то уважение.

- Мне казалось, мы собирались говорить про работу, - выдал Джордж в конце, уже не зная, как закончить этот идиотский обмен колкостями.

- Мы уже поговорили, - Джорджа немного пугала ее способность быстро находить ответ – я неправильно оценила ситуацию, признала свою ошибку, ты внимательно все заметил. Очень продуктивно!

- Ты пропустила ту часть, где я говорил, что посмотрел *несколько* гонок.

Он увидел, как у Грейс приподнялась заинтересованно бровь и понял, что просто сам себя загоняет в тупик и они будут ходить по кругу, пока одному из них не надоест и это не превратится в профессиональную грубость, поэтому, чуть стукнув себя ладонями по бедрам, добавил:

- Теперь можешь выбрать любую мою ошибку.

- Всего лишь одну? – Она начала улыбаться и Джордж почему-то тоже.

- Для начала!

- Ты сейчас очень ограничиваешь нашу беседу.

Они начали смеяться. Джордж только сейчас понял, что в этом был совсем не одинок, Грейс тоже нервничала. И им обоим теперь это казалось немного глупым. Два взрослых человека, профессиональных гонщика стояли друг напротив друга в чужом вообще-то доме и пытались найти слова, чтобы быть вежливыми.

И едва не поссорились.

- Ты правда настолько переживаешь, как мы будем работать? – Спросила Каннингем.

Джорджу казалось, что прошло целое столетие с тех пор,

как Сьюзи Вольфф сказала, что почти все готово. Ему ужасно хотелось сейчас набить свой рот чем-нибудь, чтобы не сморозить еще какую-нибудь британскую колкость, от которой у всех вилки повыпадают из рук.

Расселл нахмурился. Ему крайне не понравилось слово «настолько». Оно попадало практически в цель всего, что он тут преследовал.

- Мне важно хорошо начать сезон.

Он в самом деле не считал, что должен здесь оправдываться. Это не взаимная аттестация, но Джордж хотя бы подготовился, в отличие от Грейс, которая, кажется, не смотрела ни одной его гонки так же внимательно, как он смотрел ее.

- И мне проще, когда я хотя бы понимаю, чего ждать – добавил он, принимаясь украдкой красть виноградины с выложенного на стол винограда.

С кухни повеяло чем-то очень приятным и пряным. Желудок предательски свернулся в трубочку, Джордж осознал, как же он голоден. По плану они должны были уже сидеть за столом и ужинать, но, как и все другие планы, этот существовал исключительно у Джорджа в голове.

- В прошлом году я тоже думал, что знаю, чего ждать. А потом мне приходилось несколько раз менять собственное решение по ходу дела. Сейчас у меня будет и машина другая, и новая напарница, и еще куча других предложений. Я хочу хоть с чем-то определиться до Австралии.

Грейс как-то странно улыбнулась одним уголком губ.

Джорджу на секунду это показалось даже немного милым.

- Со мной вряд ли за вечер получится определиться, - сказала она так лаконично, что Джордж даже ненароком подумал, что она кокетничает.

Но потом Грейс вновь посмотрела на него таким взглядом, что Джордж остался уверен, что никакого кокетства там не было. Она была просто напролом решительной.

Вольффы полностью приготовили стол, выложили туда марокканские фрукты и подогретое мясо в большом поддоне, которое поставили на столовые свечки. Еще какие-то легкие салаты и чилийское вино, которому Джордж никогда не изменял. Пока Тото и Сьюзи суетились с блюдами, Джордж разлили всем вино.

Сьюзи начала разговор первая, через весь стол обращаясь к Грейс:

- Грейс, ты здесь надолго? Я хотела предложить тебе еще раз встретиться до твоего отъезда.

Джорджу показалось, что их разговор какой-то слишком непринужденный для людей, которые, возможно, видятся второй раз в жизни. Большой сплетник Джордж начал выстраивать в голове какие-то схемы, через которые, по его разумению, Сьюзи и Грейс могли быть знакомы до этой встречи. Почему-то спросить напрямую ему не позволяло воспитание.

- Есть несколько вещей, которые я хочу обсудить с тобой касаемо Академии.

Ага, вот оно что. Академия. То самое любимое детище Сьюзи, которое она тащила на собственных хрупких женских плечах. Трапеза началась с очень интересных разговоров, кстати говоря.

- Мне бы хотелось устроить твою встречу с девочками. Без привлечения большого внимания, просто обычный нормальный разговор. И потом уже интервью, отдельно о твоем пути в Формулу 1.

Джордж едва не закатил глаза. Вообще, вся эта тема с половым неравенством его немного забавляла. Трудно было спорить со Сьюзи Вольфф, которая всю жизнь варится в этом политическом и спортивном дерьме, но Джордж как-то старался обходить острые темы все это время. Как оказалось, Грейс понимала участие в нескольких программах, которыми заведовала Сьюзи, по поддержке женщин в автоспорте. Конечно, очень полезная инициатива, в конце-то концов мы не в каменном веке живем и у женщин, вроде бы, появилось право голосовать, но Расселла немного забавляла эта суета вокруг. Грейс всего лишь удачливый, возможно талантливый пилот. Она добилась этого не потому, что она женщина.

Сьюзи увлеклась, накидывала какие-то идеи встреч, рассказывала, как девочкам из Академии будет полезно с ней встретиться. Все это было так душно, что Джордж немного нетерпеливо выдохнул. Сьюзи скользнула по нему взглядом, но не придала его недовольству абсолютно никакого значения. Джордж ярко представлял себе масштабность то-

го, что могла развернуть миссис Вольфф, как очередная девочка где-нибудь в другой части земного шара начинает требовать с родителей свозить ее на картодром еще раз.

Но сезон Грейс начинали обсуждать уже так, словно от него зависела судьба всех тех, кто придет после нее.

- Я бы с этим подождал, - Джордж только по поднятым на него глазам терпеливого Тото понял, что ему не стоило это говорить.

Сьюзи тут же переключилась на него.

- С интервью?

- С тем, что вы собираетесь делать с ее лицом, - свободной рукой он неопределенно очертил свое лицо.

Это звучало грубее, чем Джордж собирался донести.

- Мы говорим об интервью с молодыми гонщицами, которым это нужно. Грейс сейчас на той ступени, о которой многие из моих девочек только мечтают.

- А я про интервью про этот вот «путь». Потом наша любимая пресса начнет спрашивать тебя, - Джордж обратился уже к Грейс напрямую – что ты хочешь сказать всем девочкам, которые на тебя смотрят. Что значит твой результат в спорте и все вот это. Это твой первый сезон в команде, Грейс. Мне кажется, сейчас нужно больше этому уделить внимания.

- Одно другому не мешает, - заметила Сьюзи.

И она в целом была права, но Джордж уже не собирался идти на попятную. Он как никто прекрасно знал, насколько пресса и маркетинг, реклама любит расхватывать новичка на

кусочки.

- Обязательно окажется, что мешает, когда отказаться будет уже неудобно.

Джордж понимал, почему Каннингем это может быть интересно. Что может быть лучше, чем придание важности твоему опыту, каждому это польстило бы. Но Джордж видел записи Грейс и был убежден в том, что там есть над чем усердно работать. Ему было бы менее тревожно, если бы перед Мельбурном они разбирали ошибки, а не давали интервью о пути женщин в автоспорте, когда этот путь даже еще не начался.

- Мне лично никогда не приходилось объяснять, что мой неудачный уикэнд говорит о мужчинах в автоспорте.

Сьюзи отложила свои приборы, и Джордж понял, что разговор идет куда-то в другое русло.

- Я считаю, что тебе лучше сейчас сосредоточиться на гонках. Освоиться в команде, понять машину, провести несколько уикэндов, в конце концов. У тебя и без этого будет достаточно внимания.

Сьюзи некоторое время молчала, а потом добавила куда суше:

- А я думаю, что Грейс может быть что-то интересно и за пределами гонок.

Расселл не нашел слов, чтобы объяснить свою мысль и не повторять все по второму кругу. Он просто вернулся к еде. Эта идея не нравилась ему настолько, что говорить о ней он

уже не собирался, да и, похоже, он был единственным, кого это в принципе беспокоило здесь.

- Ты ведь понимаешь, что я могу согласиться? – Тихо сказала Грейс, протягивая через его часть стола руку, чтобы взять миску с салатом.

- Вполне, - кратко бросил Джордж.

- Даже после твоих рекомендаций, - она смотрела на него и улыбалась.

Джордж старался не смотреть в ответ. Ему ужасно хотелось отстраниться сейчас.

- Да я уже понял, что они пользуются ограниченным спросом.

Она заулыбалась еще шире, а Джордж просто латал свою уязвленную гордость.

Потом все разрядил простой разговор между Сьюзи и Тото, которые рассказывали про местную погоду, в целом Монако и их последние приключения с рестораном, в который они решили попасть без предварительной брони столика. Тото утверждал, что в итоге столик нашелся, а Сьюзи считала, что столик после кухонной двери не вполне считался.

- Грейс, тебе стоит перебраться в Монако, к нам поближе, поближе к команде, к другим пилотам. Джордж здесь рядом.

Как будто бы это должно быть каким-то особенным плюсом. Джордж едва не подавился тем, что усердно жевал.

- В конце концов, всегда можно прийти к нам, тебе будет с кем поужинать, да, Джордж?

Он перевел быстрый взгляд на Грейс, которая мгновенно отвела глаза и как-то приглушенно ответила в стиле: «Я умею жить одна». Джорджу показалось, что он сейчас выявил первую болезненную точку. Он еще понятия не имел, зачем она ему, но считал, что лучше о людях такое знать. На всякий случай. Сьюзи настаивала на том, чтобы Грейс очень тщательно обдумала это предложение.

Монако – прекрасное место для пилотов. Удобное для перелетов, с отличной инфраструктурой, тут не будут за тобой бегать с телефонами и просить автограф, а еще, конечно же, здесь удобно не платить налоги, учитывая их зарплату. Расселл думал, что Грейс почти не слушала Сьюзи. Она поправляла что-то краем салфетки, и Джордж без труда узнал эту идиотскую раздражающую привычку начать что-то приводить в порядок при любом неудобном случае.

- Джордж может показать тебе прекрасные районы Монако.

Грейс не смотрела на него вообще:

- Я думаю, что у Джорджа уже достаточно дополнительных обязанностей, связанных со мной.

- Ну, район я тебе показать способен, без осмотра твоих предыдущих квартир.

Грейс заулыбалась и снова посмотрела на него. У Джорджа как будто бы немного отлегло. Если честно, то ему было проще показать город, чем понять причину, почему Грейс странно краснела при предложениях перебраться поближе к

команде.

Еда на столе стремительно заканчивалась. Это даже было странно, учитывая, сколько тут всего было наготовлено. Джордж так и не смог отличить ресторанную еду от той, которую приготовил бы сам мистер Вольфф. Все знали, что он талантливый повар и готовка входила в список его развлечений в каникулы. Тут только не хватало их шумного семейства и суетливых детей. Без них застолье казалось неестественно приличным. Никто не пролил сок на идеально выбеленную скатертью Сьюзи, никто не отказывался есть тщательно фаршированные овощи Тото.

- Грейс, твоя мама собирается в Австралию на первую гонку? – Спросил Джордж, подхватывая последние остатки сладкой кукурузы из салата.

Фирменный летний марокканский салат ушел на раз-два.

- Возможно, я не знаю, - ответила она так, будто бы и отвечать не хотела, но Джорджа уже было не остановить.

- А папа?

Тут Грейс замолчала и хотя она тянулась за новой порцией мяса в нагретой плошке, ее движения стали медленными.

- Мы с ним давно не общаемся.

Джордж опять зашел на путь, который завел его в тупик. Возможно, сегодня он уже когда-нибудь закончит ошибаться с вопросами, но видимо не сейчас.

- Понял.

На самом деле, он ничего не понял, кроме того, что нужно

перестать задавать вопросы про семью. Тото поднялся с места, оповестив всех о том, что настало время десерта и они приготовили какой-то яблочный вкусный пирог. Грейс еще задавала вопросы о семье Джорджа, но ему особо и рассказывать было нечего. Семья, как семья. Всех он безумно любил. И свою сестру, и брата, рассказывал Какую гонку ты смотрел?о том, как они старательно пытаются увидеться между перелетами. Она, конечно, не преминула возможностью уколоть его на тему того, что он младший и это явно видно по его попыткам всех контролировать.

Через примерно час Джордж понял, что ему не хватает воздуха и ушел подышать на балкон. С моря повеяло спасительной прохладой, Монако тонуло в темноте и ярких ночных огнях. Это было даже красиво, если бы он не видел это настолько часто, что подобная красота стала для Джорджа чем-то естественным. Ему нравилось Монако, тут было, несомненно, много плюсов от удобства расположения до мягкого климата, но все же раз в год Джордж ловил меня на том, что немного скучает по хмурой Великобритании. Они тут, и правда, все были рядом – пилоты Формулы 1. Они встречались, ходили в бары, в клубы, развлекались, пересекались на тренировках и фитнесе, много времени проводили на пляжах, можно сказать, что Монако для них стало уже одной большой деревней, где все жили немного по соседству. Но оказавшись наедине со своими мыслями, Джордж осознал, что возможно такому закрытому человеку, как Грейс

будет здесь некомфортно.

Да, она казалась ему закрытой. Сейчас она вообще сидела, подперев подбородок рукой и запоздало улыбалась в разговоре со Сьюзи, которая вообще не теряла энергии говорить. Джордж рассматривал ее со стороны через балконное окно.

Ему была нужна напарница. А не какой-нибудь символ.

Грейс вышла на балкон за ним и сразу же немного поежилась. Странное свойство для шведки, у которой, наверное, должно быть какой-то там иммунитет на холод и все такое. Она подошла к периллам, положила локти и наклонилась куда-то вниз. В летний период здесь все в цвету и сад внизу под домом Вольффов кишел жужжащими цикадами.

- Сьюзи нашла подходящую квартиру – сказала Грейс, как отрезала.

Джордж тоже повернулся к городу лицом и наклонился на периллу.

- Уже?

- Да, я еще не решила, в какой я буду стране в воскресенье, а она уже распорядилась, в каком углу у меня будут стоять цветы.

В голосе Грейс он услышал явную усталость. Грейс потерла плечи ладонями и огляделась вокруг. Не то, чтобы пейзаж вокруг был каким-то особенным красивым, в Монако в целом была достаточно плотная застройка.

- Ты здесь уже давно?

- Да, я здесь с невестой живу, - Джордж потел немного

замерзший нос.

- Не представляю как у людей вообще тут может быть все устроено. Вы… часто с ней бываете одновременно дома?

Джордж пожал плечами. Он не знал, что ответить, потому что правильного ответа не было. Возможно, он просто уже привык к такому образу жизни и с трудом вспоминал себя в самом начале, когда его только окунали с головой в этот омут, крепко при этом удерживая за пяточку. Грейс сейчас стояла на его месте и задавала ему все те вопросы, которые он задавал… Боже, кому же он задавал в то время вопросы? Льюису Хэмильтону.

Льюис отвечал очень экологично и мягко, но Джордж помнил, насколько ему не хватало включенности, эмпатичности, поддержки своего старшего пилота.

- Когда как, у нее тоже есть своя работа. Но мы как-то приспособились. Это проще, чем кажется, Грейс, люди в целом очень адаптивные существа.

Кажется, она не была рада это слышать. Ему вообще показалось, что Грейс было проще за столом отвечать на колкости, нежели сейчас задавать ему какие-то личные вопросы.

-Уже планируете свадьбу?

- Ну, - покачал головой Джордж – обсуждаем. До окончательного плана еще далеко.

- Ох, это, наверное, мучает тебя, - Грейс опять заулыбалась, и Джордж странным образом почувствовал себя лучше.

- Ты удивишься, но я способен жить без планов.

Он снова повернулся к порту и какое-то время высматривал корабельные огни, которые только мог заметить на воде. Темная гладь едва-едва с этого расстояния была отличима от черной глади суши. Джорджу нравилось наблюдать за морем, это то, чего ему всегда не хватало в поездках. В воде было что-то успокаивающее, особенно для головы Расселла, у которого роились мысли, будто бы шумные злые осы.

- А ты? – Внезапно спросил он, сам не зная зачем. – Так и вижу, как за тобой половина паддока приударит.

- Мне не до личной жизни. Мне бы с машиной разобраться, сработаться с командой. Я получила место, о которому могу только мечтать, Джордж. Я хочу реализоваться. Очень хочу. И если кому-то в паддоке кому-то будет нужна девушка, которая весь вечер станет слушать, как плохо прошла чья-то гонка, пусть учитывает, что я буду в этот же вечер злиться из-за своей.

- Отличное свидание бы получилось, - рассмеялся Джордж. – Ну вот и решили с половиной паддока.

- Я серьезно, Джордж. Я столько лет мечтала оказаться здесь. Теперь у меня есть сильная команда, сильный руководитель, напарник и машина Мерседес. Представляешь, что я могу с этим вытворять? Я не хочу проснуться однажды с осознанием, что я все это потеряла из-за какой-то ерунды.

- Свидание с гонщиками ты называешь ерундой?

Она посмотрела на него скептически.

- Особенно свидания с гонщиками. Ты ведь сам гонщик,

понимать должен.

Он рассмеялся, но ход ее мыслей уловил и понял, что доволен таким ответом. Сколько прошло времени с тех пор, как он тоже с придыханием думал о том, что его ждет. Как был собран, как был настроен покорять подиумы. Он думал, что его ничто и никто не может остановить, что у него нет потолка и, если он будет показывать свой максимум, свое стремление, все обязательно получится. Потом жизнь разбила его ожидания, как лицо об асфальт и все оказалось куда более сложным, чем он думал своими воспаленными полными глупых мечтаний лобными долями.

- Я тоже в последнее время стал иначе смотреть на свою карьеру, - признался он куда-то в темноту.

- Решил уйти в модели? – Хмыкнула Грейс.

- Да, и найму мою девушку в агенты, потому что сам точно не справлюсь. Нет, Грейс, я действительно думаю о том, чего я могу добиться в Формуле 1. Разумеется, я хочу стать чемпионом мира, я хочу этого настолько, что меня это адски бесит. Впереди безумно много работы, я не хочу, чтобы ты думала, что я тебе уступлю хотя бы малейший шанс, Грейс.

Она, кажется, сильно задумалась. Джорджу даже захотелось в какой-то момент залезть ей в голову и прочитать мысли. Такое выражение лица бывает у людей, которые вспоминают что-то болезненно приятное, из того прошлого, о котором никому не говорят.

- Ты тяжело переживаешь поражения, да?

- Просто ужасно, - признался Джордж почти с тяжелым сердцем. - Я хочу выиграть Кубок Конструкторов, Грейс.

Вообще-то, у них как-то не принято об этом говорить. Они ставили планы, обсуждали их, реализовывали и получить Кубок Конструкторов в этом плане было какой-то великой целью. Но когда Джордж говорил об этом, он наделял это выражение совершенно другим смыслом. И потому оно звучало по-другому.

- Ты ведь понимаешь, что мы еще понятия не имеем, насколько у нас будет хорошая машина?

- Тем интереснее – ответил Джордж, не думая.

- Удивительная самоуверенность.

Он усмехнулся.

- Я предпочитаю назвать это «амбициозностью». Теперь представь себе, последняя гонка, нам безумно нужны эти очки, все ужасно нервничают, гараж просто превратился в кишащий улей. И тут ты решаешь сделать что-нибудь по-настоящему безумное.

- Почему сразу я!? – Пискляво возразила Грейс.

- Потому что я себя знаю, - ответил спокойно Джордж – я буду невероятно разумным.

Джордж прекрасно знал, как выглядит гараж после неудачной гонки. Усталые механики, которым еще предстояло разобрать машину, инженеры, воспаленными глазами просматривающие телеметрию на мерцающих экранах, руководители, ломающие голову в догадках, что пошло не так.

Он представил другую картину – людей, работающих вместе на протяжении долгих лет, наконец-то получивших то, к чему они стремились. Представить их радость оказалось удивительно легко.

- Мы оба окажемся на подиуме – сказала она куда-то в темноту.

Джордж очнулся от своих мыслей.

- Я, разумеется, приеду первый. Ты можешь приехать второй.

- Какая щедрость! – Снова издала какой-то забавный писк Каннингем.

- Я готов даже разрешить тебе кого-нибудь обогнать по дороге.

- Нет уж, дорогой мой напарник, - она повернулась к нему всем телом. – Если мы собираемся выиграть чемпионат, тебе придется привыкнуть к мысли, что иногда я буду стоять на первой ступеньке.

- Иногда? – Он посмотрел на нее в темноте.

Теплый свет из квартиры Вольффов падал лишь на часть ее лица. Грейс выглядела ужасно самоуверенной.

- Не уверен, что согласен даже на «иногда» – Джордж сам не ожидал, что скажет это вслух.

Они оба рассмеялись, и Джордж распахнул руки, предлагая Грейс обняться. Вообще-то он не был настолько уж контактным человеком, но почему-то именно сейчас решил, что это необходимо. При всей его холодной, британской вежли-

вости, его считали заносчивым человеком в паддоке, он общался со всеми, но только немногим был другом. Кто бы мог подумать, что ему был нужен тот, кто даст ему отпор.

Возможно, Вольфф знал о нем то, чего сам Джордж о себе не знал.

- Мне немного страшно, Джордж, это пройдет?

Он горько усмехнулся себе под нос. Джордж не помнил кучу гонок, которые провел ровно. Он помнил только те, от которых у него до сих пор тряслись пальцы. И это очень-очень много гонок.

- Нет, не пройдет.

Он попытался ободряюще улыбнуться, но получилось плохо. Их заметила Сьюзи и жестом руки позвала обратно в квартиру. Джордж открыл балконную дверь и выпустил Грейс первую. Он задержался взглядом на этом балконе. Кажется, что они сейчас здесь заключили какой-то договор куда важнее всех тех бумажек, которые они подписывали с Мерседес, хотя, если честно, Джордж пока что слабо представлял себе, что для этого потребуется.

До Мельбурна оставалось три недели…